

емълова, логическая Лоссаго, метафизическая Эрца, которыя приводятъ автора къ необходимости спеціального разсмотрѣнія опытовъ наиболѣе внутреннихъ,—опытовъ мистическихъ. „Вселенское чувство“ Лапшина, теософія и, наконецъ мистика святыхъ подвижниковъ Церкви—вотъ главнѣйшіе моменты въ ходѣ разсужденія г. Голованенко. Но такъ какъ выясняется, что опыты въ концѣ концовъ примыкаютъ къ теченіямъ взаимно-исключающимъ, то является вопросъ объ аксіологичности опыта. Тутъ послѣднимъ словомъ, дающимъ читателю, такъ сказать, нѣчто осязательно, должно признать „символическій параллелизмъ“.—Таковъ ходъ мысли въ самыхъ внѣшнихъ его очертаніяхъ. Мы не имѣемъ здѣсь возможности входить въ детальное обсужденіе достоинствъ и недостатковъ этого изслѣдованія; оно столь сдержанно, да, наконецъ, и просто велико по объему, а многія главы написаны, къ тому же, столь сжато, а нѣчто—и совсѣмъ конспективно. Что потребовалось бы для критики спеціального сочиненія. Несомнѣнно, что пропуски нѣкоторыхъ главъ, напр. о Кантѣ, о Шуппе, о Гуссерлѣ и т. д., на каковыя указываетъ и самъ авторъ, могли бы быть имъ легко выполнены и ничего не прибавили бы къ нашему убѣжденію, что г. Голованенко работать умѣетъ и любитъ. Ходъ мысли его, въ основныхъ линіяхъ—правильный, хотя можно, конечно, спорить объ „экономичности“ такого пути; результаты къ которымъ приходитъ онъ вполне пріемлемы. Но результаты его,—такъ сказать, хорошая сервировка для несуществующаго еще обѣда. Будучи по своему необходимы, они сами по себѣ, не питаютъ души и,—судя по тону всего сочиненія, безнадежно-одинокому,—не напитали души даже авторской. Почему?—Мнѣ думается, что это—потому, что авторъ вплотную подошелъ къ идеѣ тайнства, но не понялъ того, что или надо отказаться отъ всего построенія, или же выступить за предѣлы философскаго умозрѣнія въ область новыхъ реальностей, въ которыхъ дается искомый синтезъ формъ и нормъ опыта. Г. Голованенко принесъ плодъ, но не сумѣлъ понять, что принесъ его и... остался голоденъ. Чтобы насытиться, ему нѣтъ надобности мѣнять свои воззрѣнія,—ибо у него есть уже все, что нужно ему,—но надо подняться чуть-чуть выше надъ ихъ плоскостью и *понять* ихъ, увидеть въ найденномъ имъ—рѣшеніе мучающихъ его во-

просовъ. Тогда-то онъ увидитъ, что, говоря о вѣрѣ, на дѣлѣ онъ призываетъ пока лишь къ вѣрѣ въ вѣру и что эта высшая ступень философіи есть лишь низшая ступень иныхъ духовныхъ дѣятельностей. Но, говоря все то, что сказано въ настоящей рецензіи, я потому именно говорю такъ, что помню съ кѣмъ имѣю дѣло. И знанія, и способности и, главное, внутренняя честность г. Голованенко слишкомъ превосходятъ таковыя же громаднаго большинства студентовъ, чтобы рецензентъ замѣнилъ *прямое* слово къ нему условными одобреніями его работы, какъ студенческой. Конечно, таковыхъ она можетъ получать сколько угодно, и степени кандидата съ избыткомъ заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора А. И. Введенскаго:

„Авторъ слишкомъ беззаботенъ по части ясности изложенія,—иногда, кажется, намѣренно беззаботенъ. Когда онъ систематизируетъ *чужіе* взгляды, его рѣчь достаточно разумительна. Но когда переходитъ къ изложенію *своихъ*, то читателю приходится иногда съ большимъ напряженіемъ дешифровать зерно скрытой въ нихъ мысли. Онъ неразборчиво бросаетъ слова цѣлыми пригоршнями, мало обращая вниманія на то, какія это слова и какъ они располагаются. Въ нѣкоторыхъ главахъ (наприм., въ главѣ о „Символическомъ параллелизмѣ“) передъ нами какой-то хаосъ афоризмовъ, въ которомъ едва просвѣчиваетъ упорядочивающая ихъ мысль. Иногда, вмѣсто отчетливой, логически ясной и вязущей, мысли, онъ даетъ нѣчто въ родѣ философской лирики,— пусть и красивой, но уже слишкомъ субъективной и мало отвѣчающей научно-философскимъ требованіямъ (см. главу: „Мистика личности“). „Множество темныхъ словъ“,—сказалъ еще одинъ изъ древнихъ мудрецовъ,— „путаешь смыслъ смертныхъ“. При чтеніи сочиненія г. Голованенко, невольно вспоминаешь это изреченіе... Если же прибавить къ сказанному, что сочиненіе крайне необработано въ формально-литературномъ отношеніи (разбросанность мысли и отсюда — масса повтореній) и переписано мѣстами весьма небрежно, причемъ авторъ даже не потрудился, какъ должно, его выправить, то легко понять, какимъ испытаніемъ терпѣнія было для рецензента чтеніе его изслѣдованія. Было бы безмѣрно лучше, если бы авторъ далъ сочиненіе, хотя бы и съ

меньшимъ предметнымъ захватомъ, но за то болѣе обработанное и болѣе удобочитаемое.

По своему составу сочиненіе г. Голованенко есть рядъ монографій, довольно слабо цементированныхъ идеєю цѣлаго. Авенаріусъ, Когенъ, Риккертъ, Бергсонъ, Штернь, Нёсмѣловъ, Индійская теософія, Лапшинъ, „Опытъ святыхъ“ (мистика Отцовъ и Учителей Церкви),—какая подавляющая широта захвата!.. И все же, если оцѣнивать сочиненіе съ точки зрѣнія *полноты*, то слѣдуетъ отмѣтить въ немъ существенные пропуски. Напр., авторъ беретъ, въ качествѣ представителя „персонализма“, Штерна. Оттѣнить это направление ему, дѣйствительно, было необходимо,—по требованію его задачи. Но онъ могъ бы найти *болѣе типичнаго* представителя персонализма, хотя бы, напр., въ лицѣ Тейхмюллера и, особенно, его ученика и продолжателя, Озе, докторская диссертация котораго („Персонализмъ и проэктивизмъ въ метафизикѣ Лотце“, Юрьевъ, 1896 г.) ему, къ сожалѣнію, осталась совсѣмъ неизвѣстной. Далѣе, — почему авторъ не остановился на Джемсѣ, съ его „Многообразіемъ религіознаго опыта?“... Вѣдь это прямо изъ его области. Вообще обсуждая сочиненіе съ точки зрѣнія *полноты*, — а самъ авторъ, своею широтою захвата, неволью сосредоточиваетъ вниманіе рецензента именно на этой сторонѣ дѣла, — можно было бы пожелать отъ него и еще кое-чего, кромѣ даннаго. Но само собою понятно, что, при всемъ усердіи и при изумляющемъ количествѣ вложеннаго въ сочиненіе труда, онъ *не могъ*, физически не смогъ бы, выполнить всѣхъ этихъ желаній, потому что *монографически* онъ не могъ одинаково удовлетворительно обработать даже и тотъ матеріаль, который введенъ имъ въ сочиненіе (собственно говоря, у него хорошо обработаны только Авенаріусъ, да, пожалуй, Когенъ). А въ такомъ случаѣ, если ужъ ему представлялось необходимымъ провести читателя къ своему основному тезису по всѣмъ философскимъ мытарствамъ, отъ Авенаріуса до буддійской теософіи включительно, то онъ долженъ былъ бы, на мой взглядъ, поступить совсѣмъ иначе: ему нужно было, проштудировавъ внимательно весь свой матеріаль, взять изъ него *лишь то*, что входило необходимымъ элементомъ въ конструцію его сложнаго выводнаго тезиса. Этого требовали и условія его труда (разумѣемъ главнымъ обра-

зомъ ограниченность времени) и интересы дѣла (ясности конструкции). Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, *основная ошибка автора заключается въ методъ работы*, которымъ прежде всего обусловлено внѣшне-формальное ея несовершенство, а потомъ и несовершенство внутреннее,—слабая цементировка дѣлаго, всего чаще даваемая въ формѣ пояснительныхъ придатковъ къ концу каждой главы-монографіи.

Въ „Заключеніи“ своего сочиненія авторъ пишетъ: „Итакъ, проблема опыта разрѣшается въ опытѣ личности, какъ идеи опытовъ (?). Но чистая личность—идеаль: проблема опыта переходитъ въ проблему жизни личности... Проблема опыта разрѣшается или въ идеѣ—методѣ (символь пространства, вещи), или въ идеѣ—личности (символь вѣчности, личность). Проблема опыта, или задача мысли, или задача жизни. Мысли—какъ органа жизни. Мы вѣрнемъ въ жизнь и логосъ жизни. Проблема опыта не тоска по единству методовъ, а тоска по живому Всединству“. Все это, конечно, не слишкомъ ясно (даже и въ „заключеніи“!). Но если взять эти положенія въ связи съ предыдущими разъясненіями, въ положительныхъ главахъ сочиненія (къ сожалѣнію, какъ разъ именно самыхъ туманныхъ), то мысль автора,—за точность передачи не ручаюсь,—повидимому, можно выразить въ слѣдующихъ простыхъ положеніяхъ. Есть „научный“ опытъ, уводящій насъ въ *дурную*, пространственно—вещную безконечность, мертвую и мертвящую (опытъ научниковъ—механистовъ). Но есть и „общечеловѣческій“ опытъ, особенно опытъ людей религіозно-настроенныхъ, ведущій къ истинной, „живой“ Безконечности,—къ началамъ личному, творческому, трансцендентному. Если я правильно понимаю автора, то дѣло ему какъ будто представляется такъ, что оба эти опыта идутъ *параллельно* (см. гл. о „Символическомъ параллелизмѣ“) Едва ли, однако, такимъ рѣшеніемъ проблемы можно удовлетвориться. *Въ фактъ* это, конечно такъ. Но *въ идѣ* это не должно быть такъ: общечеловѣческій опытъ долженъ питать, направлять и оформлять опытъ „научный“ и именно въ направленіи къ „живой“ Безконечности. Съ этой точки зрѣнія должна быть организована вся область опыта, вся вообще область мысли. А отсюда вытекала бы не „тоска“, а *задачи*, ясно сознанная и твердо поставленная, *долженствующая* нормировать постулаты, методы и пути къ *цѣльному* научно-филосо-

софскому знанію. Вотъ эта-то именно сторона дѣла и осталась у автора въ тѣни, хотя намекн въ этомъ направленіи есть. Было бы въ высокой степени благодарной задачей показать, *какъ именно возможно* транспонированіе всего опытнаго знанія въ иной тонъ, такъ чтобы научный опытъ оказался органическою частью опыта общечеловѣческаго... Тутъ совсѣмъ иныя плоскости и горизонты. Тутъ только, строго говоря, сочиненіе и доросло бы до богословско-апологетическаго интереса. Но, къ сожалѣнію, именно здѣсь-то авторъ и поставилъ точку.

Въ общемъ мое впечатлѣніе отъ сочиненія г. Голованенко такое: даже и привыкну къ философскимъ туманамъ читателю не легко дышется въ его ультра-туманной атмосферѣ... И это, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ, потому, что сочиненію совершенно чужды какъ разъ именно тѣ свойства, о которыхъ самъ авторъ, словами истинно-мудрыхъ, говоритъ на стр. 461 и сл.

Высказываясь такимъ образомъ о сочиненіи, я вѣстакн далеко отъ мысли отнѣситься къ нему совершенно отрицательно. Больше того: я долженъ признать, что въ общемъ оно стоитъ значительно *выше студенческаго ординара*. При всей своей хаотической безпорядочности и смутности въ цѣломъ, оно не лишено интереса, и иногда очень крушаго, въ деталяхъ: тамъ и здѣсь мелькаютъ въ немъ свѣтлыя, тонкія и оригинальныя мысли,—всего чаще, къ сожалѣнію, лишь въ намекахъ. Нѣкоторые философскіе вопросы,—наприм., вопросъ о значеніи эмпирикритицизма (едва ли не лучшая глава!),—освѣщены у него новымъ свѣтомъ и, во всякомъ случаѣ, поставлены въ иныя, сравнительно съ общепринятыми, перспективы. Труда вложено авторомъ въ сочиненіе столько, что его съ избыткомъ хватило бы на нѣсколькихъ студентовъ. Отношеніе къ христіанству, хотя онъ отводитъ освѣщенію своего вопроса съ этой точки зрѣнія, сравнительно, очень немного страницъ (стр. 456—495), осторожное. „Мистика личности, какъ опытъ личностей“,—пишетъ онъ (стр. 461),—*„рождена христіанствомъ“*, почему,—какъ добавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 487),—*„не смотря на все вѣдншее сходство, между мистикой вещи (=научники и теософы) и мистикой личности (=мистика христіанская) цѣлая бездна: тутъ „быстрота“ и „свѣтъ“ (Исаакъ Сир.), свѣтъ холодный и теплый“*

Конечно, сочинение г. Голованенко, какъ трудъ огромный и, хотя весьма и весьма несовершенный, но обнаруживающій недюжинную даровитость, степени кандидата богословія заслуживаетъ вполне“.

12) О сочиненіи студента *Грацинскаго Ивана* на тему: „Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, какъ родоначальникъ славянофильства“.

а) И. д. доцента *Н. .Т. Туницкаго*:

„Основная точка зрѣнія на И. В. Кирѣевскаго, какъ на одного изъ родоначальниковъ славянофильства, была под-казана автору самой формулировкой темы. Задачей своей работы онъ поставилъ „возстановить полузабытый образъ И. В. Кирѣевскаго, пролить свѣтъ въ (на?) эту глубокосоргинальную, загадочную личность, въ глубинѣ которой родилась въ мукахъ та первая интуиція, которая послужила зерномъ проросшимъ и распустившимся въ цѣлое, сложное ученіе“ (стр. 1). Эту задачу онъ осуществляетъ въ рамкахъ исторической перспективы, характеризуя обстоятельства зарожденія славянофильства, и возсоздаетъ образъ Кирѣевскаго путемъ всесторонняго изученія его біографіи и литературныхъ трудовъ, попутно привлекая къ сравненію съ нимъ другихъ старшихъ представителей славянофильства, особенно Хомякова. Славянофильство въ его первоначальныхъ основахъ г. Грацинскій разсматриваетъ, какъ націоналистическій протестъ противъ рабской подражательности Западу и какъ стремленіе къ національному осознанію внутреннихъ цѣнностей русской исторіи и жизни. Почвой, на которой выросло, и вмѣстѣ атмосферой, которой дышало это направленіе русской мысли, онъ считаетъ романтизмъ, понятый имъ, впрочемъ, въ очень широкомъ смыслѣ, какъ органическій синтезъ романтической поэзіи съ шеллингианской философійю. Въ такомъ пониманіи генезиса славянофильства заключается оригинальность взглядовъ автора въ отличие отъ точекъ зрѣнія на славянофильство другихъ исследователей. Въ соотвѣтствіе съ этой оригинальностью находится и взглядъ его на личность Кирѣевскаго, какъ на романтика по натурѣ и по свойству его міросозерцанія. Такое пониманіе Кирѣевскаго намъ представляется совершенно справедливымъ. Заслуживаетъ одобренія также попытка разсмотрѣть

славянофильство съ точки зрѣнія связи его съ романтическими исканіями въ русской литературѣ 30—40-хъ годовъ. Но въ этой попыткѣ есть, безусловно, нѣкоторое увлеченіе, имѣющее своимъ слѣдствіемъ суженіе перспективы, въ которой выступаетъ славянофильская идеологія. Авторъ отвергаетъ сложившееся убѣжденіе, ставящее славянофильское ученіе въ зависимость отъ философіи Гегеля, на томъ преимущественно основаніи, что славянофильство, какъ научная теорія, даже и начинается съ борьбы съ Гегелемъ. Но отрицать или даже слишкомъ ограничивать вліянія гегельянства на славянофильство нельзя: изъ гегельянства это ученіе черпало свои теоретическія основы и, если и боролось съ нимъ, то черпая изъ него же орудіе и матеріалъ для борьбы. Неудивительно, поэтому, что почти все старшіе славянофилы въ большей или меньшей степени отдали дань поклоненія Гегелю. Впрочемъ, что касается собственно И. В. Кирѣевского, то устанавливаемая въ его личности и міросозерцаніи черты романтизма отнюдь не заслоняють отъ автора другихъ сторонъ въ его образѣ и взглядахъ. Собравъ изъ разныхъ источниковъ біографическія данныя, авторъ успѣшно изображаетъ, какъ эта романтическая и въ то-же время глубоко-религіозная, жаждавшая душевной цѣльности, натура отъ юношескаго скептицизма перешла къ вѣрѣ и успокоилась на идеѣ „вѣрующаго разума“. Но въ собранныхъ авторомъ данныхъ недостаетъ болѣе точныхъ свѣдѣній о той литературѣ, которая воспитала этотъ переворотъ, а освѣщенію послѣдняго можно было бы сообщить большую психологическую глубину, которой бы, на общемъ фонѣ современныхъ интеллигентскихъ исканій, больше индивидуализировался процессъ превращенія Савла въ Павла. Характеристику міросозерцанія Кирѣевского слѣдуетъ признать вдумчивой, основанной на тщательномъ изученіи сочиненій его, но его взглядамъ придана бѣлая стройность и цѣлостность, чѣмъ какую они, на нашъ взглядъ, въ дѣйствительности имѣли. Цѣлостность душевной жизни вообще была больше идеаломъ Кирѣевского, чѣмъ дѣйствительнымъ свойствомъ его сложной природы. Способы постиженія истины, которые, по Кирѣевскому, могутъ дать человѣку истинное знаніе,—духовный опытъ, самособранность духа, мистическое проникновеніе—очерчены авторомъ прекрасно, но едва-ли можно признать

удачнымъ названіе ихъ „гносеологіей Кирѣвскаго“. Наибольшую трудность для автора должно было представлять опредѣленіе того мѣста, которое принадлежало Кирѣвскому въ коллективномъ созданіи славянофильской доктрины, такъ какъ хронологически послѣдній стоитъ рядомъ съ Хомяковымъ, самымъ сильнымъ, многостороннимъ и активнымъ представителемъ ея. Оба они взаимно дополняли другъ друга и жили подъ взаимными перекрещивающимися вліяніями. Но авторъ весьма успѣшно преодолѣлъ эту трудность. Онъ находитъ въ Кирѣвскомъ счастливое сочетаніе созерцательнаго мистицизма съ свѣтлой струйкой романтической эстетики, въ противоположность трезвому, рационалистически настроенному Хомякову. Отсюда подъ перомъ Кирѣвскаго основоположенія славянофильской школы пріобрѣтали лишь общую формулировку, тогда какъ Хомяковъ сообщалъ имъ болѣе сильное и детальное развитіе. Въ частности Кирѣвскому принадлежитъ постиженіе самыхъ коренныхъ различій между міромъ восточнымъ съ его православіемъ и западнымъ съ его утратой вѣры въ безусловныя цѣнности жизни.

Такимъ образомъ сочиненіе г. Грацицкаго по постановкѣ вопроса и основательному изученію его литературы, по оригинальности и самостоятельности мысли и выдержанности основныхъ точекъ зрѣнія, наконецъ по пестеривающей полнотѣ содержанія—должно быть признано очень хорошимъ. Помимо указанныхъ уже частныхъ, возбуждающихъ сомнѣнія или недоумѣнія, другихъ недостатковъ можно указать сравнительно немного. Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ заключеніе сочиненія. Разсматривая здѣсь славянофильство, какъ первую тропу того пути, по которому должна идти русская мысль, какъ ту стихію, въ которой русскій духъ могъ бы свободно развиваться, авторъ недостаточно искусно связываетъ свои мысли съ основной концепціей сочиненія, представляющей все славянофильство продуктомъ романтическихъ исканій и стремленій. Нѣтъ ничего удивительнаго, далѣе, что на всемъ сочиненіи лежитъ печать увлеченія не только славянофильской теоріей, но и славянофильской фразеологіей. Къ сожалѣнію, это увлеченіе иногда доходитъ до крайности. Изложеніе по мѣстамъ пріобрѣтаетъ слащавый тонъ и пестритъ такими „реченіями“, какъ „опознаніе“, „осознаніе“, „проростаніе“, „вліявленіе“ и

ироч. Ломоносовъ, Новиковъ и др. писатели 18 вѣка попадають чуть не въ предтечи славянофильства (стр. 19). Написанное въ общемъ грамотно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненіе не лишено грамматическихъ ошибокъ. Такъ, излюбленное славянофилами „чувство“ подъ перомъ автора часто теряетъ первое *в* и пишется—„чувство“ (стр. 166, 168), равно какъ „сочувствіе“ (168 стр.), „почувствовать“ (450). Впрочемъ, эти недостатки особенно не понижаютъ цѣнныхъ сторонъ сочиненія. Степени кандидата богословія г. Грацинскій заслуживаетъ вполне“.

б) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе закончено въ minorномъ тонѣ. „Авторъ“,—читаемъ мы въ его заключительныхъ строкахъ,—„намѣревался дать полное и по возможности живое изображение Кирѣевскаго, но недостатокъ времени не позволилъ ему *выполнить* (!) свою задачу. И въ настоящей работѣ приходилось неопытной и не всегда правильной рукой набрасывать лишь грубые и расплывчатые мазки духовнаго облика И. В. Кирѣевскаго“. Это очень скромно. Но авторъ, по всей справедливости, закончивъ работу, могъ бы смотрѣть бодрѣе. Сочиненіе вовсе не плохое, хотя и не чуждо недосмотровъ,—и предметныхъ, и формальныхъ. Фигура Кирѣевскаго поставлена опредѣленно и освѣщена всесторонне, а его идеи систематизированы съ достаточною отчетливостью. Сдѣланы надлежащія указанія и на послѣдующую судьбу школы...

Одинъ лишь недостатокъ по существу мы, съ своей стороны, должны отмѣтить. Авторъ обрываетъ исторію славянофильства на Ив. С. Аксаковъ (стр. 486) и называетъ его *последнимъ* представителемъ „классическаго“ (!) славянофильства. Это, конечно, совѣсть не вѣрно. Онъ долженъ бы былъ знать, что историческую линію славянофильства проводилъ далѣе А. А. Кирѣевъ, причемъ славянофильское ученіе имѣло у него довольно своеобразное преломленіе. Сочиненія Кирѣева, въ двухъ томахъ, вышли какъ разъ во время составленія авторомъ его трактата. Если бы онъ заглянулъ въ нихъ, то узналъ бы, что въ послѣднее время появились еще и „неославянофилы“, съ которыми славянофильство стараго типа, въ лицѣ Кирѣева, горячо полемизировало... Такимъ образомъ, трактатъ автора, при условіи знакомства съ сочи-

неніями Кирѣева, могъ бы получить не лишнее интереса продолженіе. Правда, это не требовалось необходимо темъ. Но разъ авторъ счелъ нужнымъ говорить о Ю. Самаринѣ, Хомяковѣ, Аксаковыхъ, К. и Ив., то почему было не упомянуть и о Кирѣевѣ, который, непосредственно за ними, велъ славянофильскую линію дальше?..

Какъ трудъ серьезный, основанный на внимательномъ изученіи литературы предмета, обстоятельный и ясный, хотя и не безъ недосмотровъ, сочиненіе ст. Грацинскаго Ивана можетъ быть признано достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

13) О сочиненіи студента *Даниловскаго Александра* на тему: „Исторія преподаванія философскихъ наукъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи“.

а) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Заслуги духовной школы въ распространіи по Россіи философскихъ знаній и, отчасти, въ творчествѣ философскихъ идей весьма велики,—во всякомъ случаѣ, неизмѣримо больше, нежели какого угодно другого учебнаго или ученаго учрежденія въ Россіи. Можно сказать и болѣе того: русское философское просвѣщеніе, либо непосредственно, либо посредственно, чрезъ воспитанниковъ духовной школы, обязано всецѣло своимъ существованіемъ именно духовной школѣ, и лишь самый конецъ XIX-го вѣка ознаменованъ появленіемъ философій иначе распространившейся. Если же вспомнить, сколько борьбы вела духовная школа, отстаивая противъ противниковъ философій свое достоинство быть ономъ философскаго знанія,—то, какъ бы ни пыталась безсильно протестовать противъ высокой оцѣнки ея заслугъ нѣкоторые голоса, станетъ яснымъ, что исторія преподаванія философскихъ наукъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи должна быть признана за основную нить исторіи русской философій вообще, разумѣя въ данномъ случаѣ подъ „русской философіей“ совокупность всѣхъ философскихъ теченій, возбуждавшихъ русское общество. Но, неся на себѣ высокую культурную задачу философскаго просвѣщенія Россіи, духовная школа никогда не бывала лишь механической передатчицей западной мысли. На всѣхъ представителяхъ

духовной школы лежит особый отпечатокъ, характерный именно для *русской* мысли, и, если исторія преподаванія философскихъ наукъ есть основная нить исторіи русской философіи, въ широкомъ смыслѣ, то эта послѣдняя всегда тѣснѣйшимъ образомъ сплетается съ исторіей русской философіи, въ узкомъ смыслѣ философіи самородно русской. И потому, едва ли можетъ подлежать оспариванію та мысль, что обойти тему разбираемаго сочиненія для историка русской мысли было бы равносильно обреченію себя на непониманіе своего предмета.

Итакъ, понятно, что тема, предложенная г. Даниловскому, имѣетъ интересъ не только спеціальный, но и общій, и что разработка ея во многихъ смыслахъ весьма желательна (въ частности отмѣтимъ хотя бы предстоящій юбилей нашей Академіи). Г. Даниловскій понялъ важность своей задачи и отнесся къ работѣ своей старательно и добросовѣстно. Но не изученіе печатныхъ трудовъ, на которое онъ потратилъ не мало времени, считаетъ заслугою его рецензентъ, а документальное изслѣдованіе архивнаго матеріала. Программы читавшихся курсовъ лекцій, конспекты и записи ихъ—вотъ, что главнымъ образомъ привлекало его вниманіе, и нѣкоторыя рукописные источники, имъ почти *открытые* въ качествѣ историко-философскаго матеріала, представляютъ собою несомнѣнный интересъ и немаловажное значеніе; таковы, хотя бы, программы курсовъ Фесселера, фонъ Горна и др., рукописные труды братьевъ Лихудовъ, конспекты Георгія Конисскаго и др. Собравъ значительный запасъ свѣдѣній, г. Даниловскій не теряетъ въ нихъ, но владѣетъ имъ.— удачно дѣлаетъ выборку наиболѣе значительнаго, колоритно подбираетъ цитаты и „словечки“, отчетливо систематизируетъ матеріалъ и не безъ успѣха пытается освѣтить идеиную основу тѣхъ или иныхъ теченій, Сочиненіе его написано ровнымъ и правильнымъ языкомъ, изложеніе спокойно и объективно, тонъ рѣчи его—тонъ взрослого человѣка. Несмотря на сухость матеріала, сочиненіе г. Даниловскаго читается съ интересомъ, хотя вторая половина его и изложена гораздо конспективнѣе и менѣе отдѣлана, чѣмъ первая. Легкости чтенія способствуетъ и выдѣленіе примѣчаній, ино гдѣ весьма цѣпныхъ, въ конецъ сочиненія.

Есть, впрочемъ, и довольно существенные недостатки этого

сочиненія: суммарно ихъ можно было бы обозначить какъ нѣкоторую *канцелярицину*. Г. Даниловскій ведетъ свое изслѣдованіе немного въ томъ же духѣ, въ какомъ составляются дѣловыя бумаги. Онъ боится отходить отъ буквы темы и буквы документовъ, боится освѣщать ихъ, боится читать между строками. Поэтому, часто какъ корни извѣстныхъ явленій, имъ изучаемыхъ, такъ и плоды ихъ, оказываются внѣ поля зрѣнія его. Выражаясь не метафорически, скажемъ, что г. Даниловскій не умѣетъ учитывать вліянія лицъ, задававшихъ извѣстный тонъ философскимъ теченіямъ времени, но не состоявшимъ на философской кафедрѣ, какъ не считается и съ вліяніями духовной школы, часто весьма существенными, на лицъ, не числившихся ея студентами или профессорами. Естественно думать, уже загодя, что это непониманіе ко всему, что не подлежитъ, такъ сказать, архивно-канцелярской регистраціи, лишаетъ нашего автора возможности понять связь отдѣльныхъ явленій и неизбежно вносить въ сочиненіе его нѣкоторую идейную отзывчивость. Чтобы не быть голословнымъ, скажу напримѣръ, что для г. Даниловакаго, кажется, не всегда ясна связь между преподаваніемъ философскихъ наукъ и преподаваніемъ наукъ прочихъ. Но если бы онъ достаточно опредѣленно установилъ для себя эту связность всей системы преподаванія въ то или иное время академической жизни, то для него уже самъ собою всталъ бы вопросъ: не слѣдуетъ ли во многихъ случаяхъ искать вдохновителей и покровителей курса *всей* академической жизни, а въ томъ числѣ—и преподаванія философскихъ наукъ,—въ лицахъ, прямо не состоящихъ въ Академіи, или не состоящихъ на философскихъ кафедрахъ? А если бы этотъ вопросъ былъ поставленъ имъ, то, несомнѣнно, не могли бы оказаться внѣ поля его вниманія такія огромныя величины, какъ Митрополитъ Московскій Платонъ, Иннокентій, впоследствии Архіепископъ Херсонскій. Митрополитъ Московскій Филаретъ и др., создававшія цѣлыя эпохи. А съ другой стороны, было бы естественно спросить себя: Что же давала духовная философія русскому обществу? Какъ развивалось истекающее изъ духовной школы философское просвѣщеніе? Не задаваться этимъ вопросомъ, это значитъ отрѣзывать отъ духовной школы тѣ лучшія силы, которыя часто, лишь временно или косвенно пытаются

отъ нея извѣстное воздѣйствіе, были съ нею въ большой близости. Рецензенту представляется немислимымъ говорить о судьбахъ философіи въ духовной школѣ—и не принять во вниманіе вскормленниковъ ея, какъ-то. П. Д. Юркевича, графа М. М. Сперанскаго и др., отчасти Вл. С. Соловьева, а также нашихъ масоновъ, славянофиловъ и представителей матеріализма, нигилизма и атеизма, которые опять таки, по странной, но нерѣдкой, діалектикѣ бытія, исходили изъ той же духовной школы. Необходимо отмѣтить также и недостаточное знакомство г. Даниловскаго съ общимъ ходомъ философской мысли въ Европѣ; оно приковываетъ его къ горизонтамъ ограниченнымъ и не даетъ достаточно и опредѣленно учесть самородное русское отъ наноснаго, западнаго. Правильно разумѣя основную идею русской философіи, какъ идею религиозную онъ, однако, не умѣетъ точнѣе опредѣлить характеръ этой идеи и ея историческихъ предковъ. Въ частности, г. Даниловскій совсѣмъ не видитъ прямого преемства русской философіи философіи древней, почти минова схоластическую и западную. Платонъ, на котораго онъ неоднократно указываетъ, какъ на виновника многихъ свѣтлыхъ сторонъ русской философіи, не осознанъ имъ однако, какъ родоначальникъ русской идеи философской, какъ таковой,—хотя матеріаловъ, приводимыхъ въ самомъ сочиненіи, съ избыткомъ хватило бы для многихъ очень достопримѣчательныхъ заключеній о надежной связи нашей философіи съ философіей древней и о сопротивленіи нашей философіи постоянной попыткѣ философіи западной ворваться въ сферу русской мысли. Глубокіе корни философскихъ началъ славянофильства, древность періодически повторяющихся нападокъ на эти начала началъ рационалистическихъ, русская философія какъ связанное единое теченіе, зависимость свѣтской философіи отъ философіи духовной—эти и тому подобные общіе вопросы нуждались бы въ болѣе расчлененномъ изложеніи, въ большемъ, такъ сказать, напорѣ мысли.

Къ недостаткамъ болѣе специальнымъ относится, главнымъ образомъ, малая изученность исторіи Казанской Духовной Академіи, слишкомъ некритическое изложеніе исторіи Московской школы философіи и нѣкоторые болѣе мелкія описки и погрѣшности. Весьма желательно, чтобы г. Даниловскій восполнилъ недостающее и напечаталъ свою работу. Но и того..

что сдѣлано, для полученія степени кандидата вполне достаточно“.

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Въ своей исторіи (470 стр.) авторъ неопредѣленно датируетъ границы своего изслѣдованія. Съ какого года у насъ явилась философія? На это отвѣтить трудно. Но на какомъ моментѣ жизни академіи авторъ поставилъ точку? Оказывается, въ различныхъ академіяхъ эта точка поставлена подъ различными годами и въ пѣкоторомъ смыслѣ подъ различными эпохами. Можно привести примѣръ этого. Въ С.-Петербургской академіи авторъ кончаетъ исторію изложеніемъ дѣятельности Каринскаго, но Каринскій былъ ученикомъ Кудрявцева, живъ и понынѣ, вышелъ въ отставку, правда, всего лишь нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Кудрявцева, но онъ уже былъ по отношенію къ Кудрявцеву человекомъ новаго образа мыслей, новыхъ взглядовъ. Въ Кіевской академіи исторію философіи авторъ кончаетъ Линицимъ—человѣкомъ нашихъ дней, а въ Казанской академіи—Милославскимъ († 1884).

Авторъ—благодарный ученикъ и, какъ благодарный ученикъ, онъ не могъ не признать, что наиболѣе философія процвѣтала и процвѣтаетъ въ Московской академіи. И М. И. Каринскій отмѣчается, какъ воспитанникъ Московской академіи, на которомъ сказалось ея вліяніе, Казанская академія представлена стоящею подъ философскимъ вліяніемъ Московской. Такъ ли это? Актовая рѣчь Кудрявцева о позитивной философіи въ Казанскомъ академическомъ органѣ была растратована такъ, что она написана лицомъ не имѣющимъ понятія о позитивной философіи. Думается, что Милославскій и Снегиревъ неособенно высоко цѣнили Кудрявцева, и нашъ авторъ долженъ бы былъ сказать о Снегиревѣ, который несомнѣнно цмѣлъ большее вліяніе въ академіи.

Мало обратилъ вниманія авторъ на Юркевича, труды котораго и онъ самъ привлекали общественное вниманіе.

Но оставляя въ сторонѣ то, чего не далъ намъ авторъ (а онъ не далъ намъ многого), я спрошу: увѣренъ ли авторъ въ томъ, что онъ передастъ намъ дѣйствительную исторію безъ примѣси поэзии? Я не только не увѣренъ въ этомъ, я отрицаю это. На 162 стр. и соотвѣтственно въ примѣчаніи

243 указывается на отзывъ о *Θ. А. Голубинскомъ* графа М. В. Толстого въ „Душеполезномъ Читеніи“ 1891 г. Отзывъ былъ восторженный. Покойный Д. *Θ. Голубинскій*, питавшій къ своему родителю религіозное почтеніе, говорилъ мнѣ, что гр. Толстому нельзя вполнѣ довѣрять, что онъ забываетъ прошлое и въ новыхъ вариантахъ своихъ воспоминаній прибавляетъ къ біографіи *Θ. А. Голубинскаго* все новыя и новыя и все болѣе поразительныя черты. На этомъ основаніи Д. *Θ. Голубинскій* попросилъ меня что-то выкинуть изъ біографіи его отца.

Много нужно еще написать, чтобы явилась книга, заслуживающая названіе исторіи преподаванія философскихъ наукъ въ нашихъ духовныхъ школахъ. Сочиненіе г. Даниловскаго представляетъ собою лишь отрывки изъ такой несуществующей исторіи.

Но полезны бываютъ и отрывки. Къ числу таковыхъ должно быть отнесено и сочиненіе г. Даниловскаго. Степени кандидата онъ заслуживаетъ“.

14) О сочиненіи студента *священника Добровольскаго Василія* на тему: „Иерусалимъ, какъ центръ политической и религіозной жизни израильтянъ, до разрушенія его римлянами“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Обширное сочиненіе о Добровольскаго (494 стр.) состоитъ изъ 5 ти главъ и заключенія. Въ первой главѣ авторъ даетъ филологическій анализъ наименованія „Иерусалима“. Во второй онъ говоритъ объ Иерусалимѣ „доеврейскомъ“. Въ 3, 4-й и 5-ой главахъ говорится объ Иерусалимѣ, какъ центрѣ политической и религіозной жизни со времени Давида до разрушенія Иерусалима римлянами.

Не смотря на то, что представители науки нерѣдко касались въ своихъ библейско-историческихъ изслѣдованіяхъ исторіи Иерусалима, однако работа автора, по ея задачѣ, должна была дать цѣльное представленіе объ историческомъ значеніи Иерусалима для израильтянъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, а таковая задача—новая и—довольно сложная. Въ виду этого для него была настоящая необходимостъ систематизировать данныя Библии, отно-

сящіяся къ его вопросу и ознакомиться съ большимъ матеріаломъ, какой можно найти въ многочисленныхъ источникахъ и пособияхъ, такъ или иначе затрагивающихъ вопросъ автора. И мы должны сказать, что авторъ добросовѣстно отнесся къ этой сторонѣ дѣла. Онъ обстоятельно ознакомился съ Библіею и съ однимъ изъ основныхъ своихъ источниковъ—съ сочиненіями іудейскаго историка Іосифа Флавія. Кромѣ того, онъ познакомился почти со всеми, наиболее извѣстными, трудами какъ западныхъ, такъ и русскихъ ученыхъ—и не только по монографіямъ, но и по журнальнымъ статьямъ. Въ предисловіи о Добровольскій перечисляетъ болѣе ста названій отдѣльныхъ авторовъ, касавшихся къ своихъ работахъ его вопроса. И сочиненіе о Добровольскаго показываетъ, что онъ внимательно отнесся къ перечисленнымъ имъ въ предисловіи трудамъ, не только повѣрять, но иногда, съ пониманіемъ дѣла, и поправлялъ ихъ общіе выводы.

Что касается плана сочиненія, то и въ этомъ отношеніи трудъ автора долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Авторъ показалъ въ своей работѣ способность ориентироваться въ сложныхъ вопросахъ и находить основныя точки зрѣнія, отъ которыхъ онъ почти всюду и отиравается къ своихъ сужденійхъ.

Но при общемъ достоинствѣ сочиненія рецензентъ долженъ отмѣтить въ немъ и нѣкоторые недочеты.

Не смотря на обстоятельное знакомство автора съ источниками, онъ все же опустилъ изъ виду нѣкоторыя полезныя и даже необходимыя для него пособия. Такъ, говоря объ Іерусалимѣ послѣднѣшняго періода (гл. 5-ая), онъ могъ бы съ пользою для дѣла ознакомиться съ авторитетною работою Schürer'a (*Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi*), въ каковой работѣ указана, между прочимъ, и серьезная литература по интересующему о Добровольскаго вопросу. Ознакомившись съ энциклопедіями и монографіями, авторъ почему то совершенно обошелъ лучшіе курсы библейской исторіи, въ которыхъ онъ также могъ бы найти для себя полезныя справки. А таковыхъ курсовъ—и особенно у западныхъ ученыхъ—не мало, что знаетъ, несомнѣнно, и самъ авторъ.

Можно отмѣтить и другіе пробѣлы въ сочиненіи автора

Такъ, онъ нѣредко говоритъ въ своемъ сочиненіи о таргумахъ (напр. стр. 57), объ іудейскихъ преданіяхъ (стр. 37, 38), но таргумы и іудейскія преданія очевидно были знакомы автору въ самыхъ общихъ извлеченіяхъ изъ трудовъ другихъ авторовъ, которые, въ свою очередь, сами не всегда пользовались первоисточниками. Этимъ объясняется, между прочимъ, то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ советъ не дѣлаетъ указаній на источники, откуда онъ извлекаетъ, напр., іудейскія преданія.

Обосновывая свои положенія, авторъ впадаетъ иногда въ излишнюю полемику, что особенно нужно сказать о 1-ой и 2-ой главахъ.

Говоря о недавно, сравнительно, найденныхъ Тель-эль-Амарнскихъ письмахъ Іерусалимскаго (Уръ-Салимъ) царя къ фараону „Аменофису“ 4-ому, авторъ хочетъ пользоваться этими письмами какъ доказательствомъ того, что Іерусалимъ еще задолго до завоеванія его евреями уже носилъ такое названіе (стр. 90). Но цѣль достаточнаго основанія изъ этой одной справки дѣлать выводъ объ особой древности названія „Іерусалима“, такъ какъ вопросъ о Тель-эль-Амарнскихъ письмахъ вообще спорный вопросъ.

Но все эти недочеты не могутъ быть поставлены автору въ серьезную вину въ виду общихъ достоинствъ сочиненія, свидѣтельствующихъ объ авторѣ, какъ о біблестѣ—историкѣ съ здравымъ критическимъ чутьемъ и съ достаточною эрудиціею. Но крайней мѣрѣ, два первые недочета (незнакомство съ нѣкоторыми пособіями и первоисточниками) извинительны для автора въ виду того, что онъ все же собралъ значительное количество интересовавшаго его матеріала, а послѣдній недочетъ (сужденія по вопросу о Тель-эль-Амарнскихъ письмахъ) можетъ найти себѣ извиненіе въ томъ, что ориентологія—наука молодая и ошибки въ этой области возможны. И мы указываемъ все эти недочеты не столько въ цѣляхъ прищипленія достоинствъ работы автора, сколько въ видахъ личной пользы его.

Принявъ во вниманіе наши указанія, онъ можетъ дать и болѣе совершенную работу, которая была бы полезнымъ вкладомъ въ нашу отечественную біблейско-богословскую литературу, небогатую экскурсами въ широкую область біблейской исторіи.

Вотъ почему и въ настоящемъ видѣ мы признаемъ сочиненіе о. Добровольскаго очень серьезною кандидатскою работою“.

б) Н. д. доцента *В. А. Троицкаго*:

„Иерусалимъ занималъ такое мѣсто въ жизни еврейскаго народа, что его исторія есть почти исторія самого народа“. Этими словами Vigouroux начинаетъ свое сочиненіе о. Добровольскій, и слова эти какъ нельзя лучше указываютъ на широту той задачи, которую взялъ на себя авторъ разсуждаемаго сочиненія. Исторія Иерусалима, неразрывно связанная съ исторіей еврейскаго народа, можетъ быть предметомъ многотомныхъ сочиненій, но авторъ сумѣлъ въ своемъ, правда, довольно обширномъ сочиненіи (494 стр.) не только въ сжатомъ очеркѣ представить эту исторію въ рамкахъ, намѣченныхъ темой, но даже написать цѣлую главу о „доеврейской священной исторіи Иерусалима“ (стр. 37—107), а въ заключеніи поговорить о лжемесіанскихъ и сіонитскомъ движеніяхъ въ еврействѣ до „Лондонскаго еврейскаго колониальнаго банка“ нашихъ дней включительно (стр. 466—467). Такая полнота изслѣдованія оказалась подъ силу нашему автору, конечно, потому, что онъ оставилъ въ сторонѣ дремучій лѣсъ гипотезъ отрицательной науки, тотъ лѣсъ, чрезъ который обычно стараются не всегда съ успѣхомъ проложить себѣ дорогу авторы научныхъ изслѣдованій. О. В. Добровольскій все свое вниманіе сосредоточилъ на изученіи первоисточниковъ—св. Библии и сочиненій Иосифа Флавія и цитаты изъ этихъ источниковъ онъ щедрой рукой разсыпаетъ на пространствѣ всего своего сочиненія. Особенно пріятно видѣть, что св. Библия изучена авторомъ въ полномъ видѣ: онъ такъ же тщательно собираетъ нужныя ему свѣдѣнія изъ книгъ учительныхъ и пророческихъ, какъ и изъ историческихъ. Внимательное изученіе первоисточниковъ составляетъ главное достоинство сочиненія о. Добровольскаго и ставитъ его на должную научную высоту. Изучено авторомъ и множество такъ или иначе касающейся его предмета литературы. Въ предисловіи (стр. 12—22) онъ перечисляетъ до 75 книгъ и 40 журнальныхъ статей, прочитанныхъ имъ, но въ цитатахъ сочиненія намъ не разъ встрѣчались и книги и статьи, въ этомъ спискѣ не указанныя, изъ кото-

рых даются случайныя справки. Все это, конечно, безспорный показатель авторскаго трудолюбія, интереса и серьезнаго отношенія къ научному дѣлу. Нельзя не отмѣтить и того, что сочиненіе написано хорошимъ литературнымъ языкомъ: если и встрѣчаются иногда стилистическія шероховатости (стр. 8, 23, 38, 47, 51, 60, 70, 84, 108, 114, 124, 136, 143, 157, 227, 274, 285, 464), за то попадаются цѣлые ряды страницъ (напр. 190—198, 366 слл. 397 слл.), написанныхъ даже художественно.

При всѣхъ этихъ достоинствахъ сочиненія мелкіе недочеты,—какъ ссылки на отцевъ и учителей Церкви безъ всякихъ цитатъ ихъ сочиненій (стр. 45, 46, 48), неудачное начертаніе словъ еврейскихъ (стр. 42, 53),— хотя и могутъ быть указаны, никакой большой бѣды не составляютъ.

Рецензентъ позволяетъ себѣ не согласиться съ однимъ изъ утвержденій автора. Блаж. Иеронимъ говоритъ: „ex verbis et interpretatione nominum saepe res ostenduntur“, и о „Добровольскій“ стр. 23—36 посвящаетъ филологическому анализу имени „Іерусалимъ“. Иосифъ Флавій производитъ это имя отъ греческаго *ἱερός* и еврейскаго יְרוּשָׁלַיִם . О „Добровольскій“ такое толкованіе вѣлѣдъ за Reland'омъ и энциклопедіей Герцога называетъ нелѣпнымъ (стр. 26—27, 67). Но вѣдъ Иосифъ говорить о греческомъ названіи Іерусалима, а такихъ названій два. Одно *Ἱεροσόλημι* — представляетъ лишь транскрипцію еврейскаго имени (лат. Jerusalem) и совершенно не имѣетъ греческаго элемента *ἱερός*. Правда до послѣдняго времени филологи (даже Тиссендорфъ) на *Ἱεροσόλημι* ставили spiritus asper, для котораго въ еврейскомъ словѣ, начинающемся съ буквы іодъ, нѣтъ никакого основанія, но теперь по примѣру Blass'a, Westcott'a и Hort'a принято ставить spiritus lenis (см. напр. Franciscus Zorell. Novi Testamenti lexicon graecum. Parisiis 1911. p. 261). Въ книгахъ Маккавейскихъ, въ кн. Товита, въ ветхозавѣтныхъ апокрифахъ, въ евангеліяхъ Іоанна, Маттея и Марка, а также у Страбона и *Ιουσιφῆ Φλαβία* выступаетъ гречизированная форма имени — *Ἱεροσόλημις* (лат. Hierosolyma), гдѣ несомнѣнъ греческій элементъ *ἱερός*, почему филологи единогласно и ставятъ spiritus asper. У эллинизованныхъ евреевъ господствовала именно эта форма имени Іерусалимъ. Толкованіе Иосифа Флавія можетъ быть и не особенно согласено съ законами филологіи, но исторически оно инте-

рессно и вѣрно: іудеи—эллинисты воспользовались созвучіемъ еврейскаго слова съ греческимъ и составили, не сираниваясь у европейскіихъ филологовъ 19-го вѣка, имя, гдѣ первый элементъ (*ιερός*) значитъ „священный“. А вѣдь самъ же о. Добровольскій приходитъ къ тому заключенію, что при всякомъ филологическомъ объясненіи имени Іерусалимъ выдѣляется изъ ряда другихъ городовъ, какъ городъ священный, какъ мѣсто священныхъ событій и соединенныхъ съ ними священныхъ воспоминаній (стр. 35).

Общее мое заключеніе о прочитанномъ сочиненіи священника Василія Добровольскаго таково: сочиненіе очень хорошее и заслуживаетъ полнаго одобренія и авторъ его вполне достоинъ степени кандидата богословія“.

15) О сочиненіи студента *Епифановича Григорія* на тему: „Математическія науки въ русскіихъ духовныхъ семинаріяхъ XIX вѣка и желательная постановка ихъ въ настоящее время“.

а) Инспектора Академіи—п. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостына*:

„Въ качествѣ вступленія къ исторической части изслѣдованія г. Епифановичъ помѣщаетъ (стр. 1—35) краткое сообщеніе о преподаваніи математическихъ наукъ въ Петровскихъ цифирныхъ школахъ, въ которыхъ получали образованіе дѣти духовенства, и затѣмъ въ духовныхъ семинаріяхъ XVIII столѣтія (до реформъ 1808—1814 г.г.). Далѣе онъ довольно подробно говоритъ о преподаваніи математическихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ до 40-хъ годовъ XIX столѣтія (до Протасовской реформы) и затѣмъ по „Положенію“ 1840 г. до реформы 1867—1869 г.г. (стр. 36—131). Сравнительно короче говоритъ онъ о математическихъ наукахъ въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ по реформѣ 1867—1869 г. и по Уставу 1884 г., кончая сужденіями Преосвященнаго Присутствія 1906 г. (стр. 131—166). Вся эта историческая часть изслѣдованія г. Епифановича написана очень обстоятельно и документально. Она основывается не только на внимательномъ изученіи различныхъ „Исторій“ духовныхъ семинарій (прот. Смирнова, Агицева, Надеждина, Благовѣщенскаго и др.), или извѣстныхъ трудовъ митр. Мака-

рив. г. Титашова и Сперанскаго, но и на непосредственномъ знакомствѣ съ духовно-школьными Уставами и объяснительными къ нимъ записками. Многія страницы сочиненія заняты разборомъ тогдашнихъ программъ и характеристикою современныхъ имъ учебниковъ, съ указаніемъ степени успѣшности математическаго обученія по отзывамъ различныхъ ревизоровъ и преосв. Архіереевъ.

Такъ же обстоятельно и отчетливо написана слѣдующая глава разсматриваемаго сочиненія: „Значеніе математики“ (стр. 166—198), равно какъ и общій трактатъ „о методѣ математическихъ наукъ“ (стр. 199—285).

Менѣе обоснованною представляется дальнѣйшая часть труда г. Епифановича, содержащая въ себѣ частныя методическія разсужденія о преподаваніи алгебры (287—378), геометріи (379—463), тригонометріи (465—495), физики (497—547), космографіи и психаліи (549—568). (Ариметика опущена, потому что она входитъ въ курсъ духовныхъ *училищъ*, а не *семинарій*, о которыхъ сказано въ поставленной темѣ сочиненія). Здѣсь во многомъ можно спорить съ авторомъ и не соглашаться съ его пожеланіями. Но и здѣсь должно поставить ему въ заслугу, что онъ внимательно изучилъ громадную литературу и умѣло сопоставилъ теперешніе наиболѣе авторитетные учебники по всѣмъ названнымъ предметамъ; въ нѣкоторыхъ же частныхъ пунктахъ сумѣлъ дать и свои указанія, несомнѣнно имѣющія цѣну. Видно, что нашъ авторъ не новичекъ въ математическихъ вопросахъ, а съ любовью и давно занимался ими, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы выполнить и половины своего труда.

Слѣдуетъ добавить, что одни примѣчанія къ сочиненію, помѣщенныя въ концѣ его, съ указаніемъ литературы и множествомъ математическихъ формулъ и чертежей, занимаютъ 255 страницъ (569—824).

Для степени кандидата богословія сочиненіе г. Епифановича безспорно достаточно“.

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Интересная и нужная тема, предложенная г. Епифановичу, разработана имъ старательно и изложена съ тщательностью. Сочиненіе его аккуратно переписано и изящно

переплетено въ видѣ толстаго тома: очевидно, авторъ цѣнилъ свой трудъ. Обильныя литературныя ссылки показываютъ, что этотъ трудъ заставилъ автора потерять не мало времени на себя. Страницы такъ и пестрятъ ссылками на мнѣнія лицъ авторитетныхъ, или казавшихся г. Елифановичу таковыми. Повторяю, это сочиненіе—плодъ многихъ усилій. Вотъ почему, нельзя удержаться отъ сожалѣнія, что оно, въ самой основѣ своей, представляется рецензенту какимъ-то недоразумѣніемъ, ибо тема его не была, очевидно, даже приблизительно подѣ силу г. Елифановичу. Впрочемъ, едва ли можно было ждать иного.

Чтобы писать *исторію* преподаванія математическихъ наукъ и, въ особенности, исторію, имѣющую подготовить положительное рѣшеніе вопроса о постановкѣ преподаванія, надо знать исторію идей, какъ математическихъ, такъ и педагогическихъ, надо понимать, откуда они и чѣмъ объединялись отдѣльные моменты математической дидактики, надо имѣть силы подняться надъ отдѣльными фактами. Въ общихъ теченіяхъ въ математикѣ, дидактикѣ и философій, изученіе исторіи преподаванія похоже на чтеніе невѣдомыхъ писемъ, и, вмѣсто исторіи, получается панизываніе случайно подвернувшихся сообщеній. До *слысла* читаемой книги исторіи г. Елифановичъ и самъ не доходитъ и читателя своего не доводитъ. Впрочемъ, эта *первая* часть сочиненія, гдѣ дѣлается попытка изложить историческій ходъ постановки математическаго обученія въ духовной школѣ, не смотря на вышнее скольженіе по фактамъ и даннымъ, представляется несравненно болѣе цѣною, чѣмъ постѣдующая, ибо въ первой части факты говорятъ сами за себя, и, сами собою, помимо намѣреній автора, заводятъ на размысленія.

Значительно слабѣе вторая часть, — та, гдѣ рѣшается вопросъ о желательной постановкѣ преподаванія. Самая попытка рѣшить такой большой вопросъ молодымъ человекомъ, не имѣющимъ: ни математическаго образованія, ни педагогическаго опыта, ни принципиальныхъ философскихъ убѣжденій, кажется, да и не можетъ не казаться, или самоувѣренной притязательностью, или чрезмѣрною наивностью. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить о желательной постановкѣ преподаванія математики, хотя бы элементарной, не зная математики (—нельзя же считать знаніе элементарной

алгебры, геометрии и тригонометрии за знание математики!—). Основания методовъ элементарной математики лежатъ *внѣ* поля зрѣнія школьника, хотя бы и весьма усерднаго, и уяснить себѣ сущность хотя бы четырехъ дѣйствій надъ числами въ предѣлахъ перваго десятка неизмѣримо труднѣе, чѣмъ обучиться техникѣ инфинитезимальныхъ исчисленій. А для разсужденій о желательной постановкѣ обязательно знать не только послѣднія, но и весьма уяснить себѣ вопросы, подобные первому.

Но если бы г. Епифановичъ и обдумалъ все то, чего онъ не обдумывалъ, и узналъ то, чего не знаетъ, этого не было бы достаточно для подлиннаго отвѣта на взятую имъ тему. Только практическая опытность въ преподаваніи позволяетъ правильно положить тѣни на жесткій контуръ, начерченный теоретикомъ. Конечно, нѣтъ основаній ждать отъ г. Епифановича такой опытности; но если бы и была она, то и этого не было бы достаточно.

Чтобы говорить о желательной постановкѣ преподаванія, необходимо имѣть твердыя и глубокія обще-философскія воззрѣнія на сущность познанія вообще и математическаго — въ частности. Это требованіе не есть, по крайней мѣрѣ при современной постановкѣ дидактическихъ проблемъ, простое формальное пожеланіе, умѣстно всюду, а дѣло насущной необходимости. Столкновеніе принциповъ интуиціи и дискурсіи, выразившееся столь обостренно въ теоріи познанія борьбою психологизма и критицизма, не могло не отразиться и на области математическаго преподаванія; и дѣйствительно, тутъ со всею опредѣленностью возникли противорѣчивыя теченія, — нагляднаго, даже экспериментальнаго обученія математикѣ, и отвлеченно-логическаго, конструктивнаго. Оба теченія идутъ весьма далеко въ стремленіе выразить себя во всей чистотѣ, и, въ то время какъ одно ищетъ исключить логическое доказательство, другое стремится все построить путемъ чистой логики. Вопросъ о желательной постановкѣ преподаванія существенношимъ образомъ связывается со спорами, идущими нынѣ по всей линіи боя между интуитивизмомъ и критицизмомъ. Но г. Епифановичъ даже не понимаетъ глубоко-принципіальнаго характера этой борьбы, не знакомъ съ многочисленной литературой его, даже спеціально-дидактическаго содержанія, и, въ своихъ пожеланіяхъ

ихъ относительно постановки преподаванія, не имѣя ни руководящихъ точекъ зрѣнія, ни системы, дасть случайныя и дробныя указанія, у которыхъ едва ли есть какой смыслъ, если не рѣшены вопросы коренныя, объ общемъ характерѣ постановки преподаванія, и цѣнность которыхъ не подлежитъ обсужденію, ибо каждое изъ нихъ неизвѣстно откуда взялось и въ какомъ стоитъ отношеніи къ другимъ высказываемымъ пожеланіямъ. Эта неметодичность характеризуетъ все сочиненіе г. Епифановича: для рѣшенія случайно представившихся вопросовъ привлекается случайно-подвернувшаяся литература и потому, конечно, въ итогѣ изслѣдованія мы имѣемъ рядъ случайныхъ замѣтокъ, можетъ быть, могущихъ приходиться въ качествѣ матеріала кому-нибудь, вооруженному методомъ, но въ настоящемъ своемъ видѣ безсвязныхъ и безыдейныхъ. Однако, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился г. Епифановичъ, онъ сдѣлать, что могъ, и потому степени кандидата заслуживаетъ“.

16) О сочиненіи студента *священника Ефремова Михаила* на тему: „Русская религіозная жизнь въ половинѣ XVII в. по сочиненію архидіакона Павла Аленскаго“.

а) Доцента *Н. В. Тысоговецкаго*:

„Обширный трудъ Павла Аленскаго: „Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в.“ возбуждаетъ понятный интересъ къ изученію и опредѣленію историческаго своего значенія, какъ запись непосредственнаго наблюдателя событій, какъ дневникъ родственно-близкаго лица къ патріарху Макарію, участнику въ крупныхъ нашихъ церковныхъ перемѣнахъ половины XVII в. Сочиненіе о. Ефремова въ значительной степени удовлетворяетъ упомянутому научному интересу. Послѣ предварительныхъ свѣдѣній объ авторѣ „Путешествія“, поводѣ къ написанію его, нѣкоторыхъ спискахъ сочиненія и т. п. предметахъ (преисловіе, стр. 1—16), о. Ефремовъ излагаетъ въ четырехъ главахъ матеріалъ, который содержится въ разныхъ мѣстахъ „Путешествія“. Онъ описываетъ русскіе храмы того времени, особенности совершаемаго въ нихъ богослуженія, также нѣкоторые чины и дѣйства—дѣйство страшнаго суда, дѣйство въ недѣлю Ваіи, чинъ омовенія и т. д. (Глава 1-ая, стр. 17—76).

Представляет характеристику царя Алексея Михайловича и патр. Никона, какъ „главныхъ дѣятелей реформы русскихъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ“ (глава 2-я, стр. 106—148). Даетъ свѣдѣнія касательно русскаго духовенства,—его одежды, избранія на мѣста, ограниченной вдовствующихъ священнослужителей, матеріальнаго обезпеченія, нравственнаго поведенія, относительно епархіальнаго управленія (глава 3-я, стр. 149—228). Изображаетъ религіозное состояніе русскихъ,—въ чемъ оно проявлялось и какія носило особенности (глава 4-я, стр. 229—279). Наконецъ, въ заключеніи о. Ефремовъ пытается разрѣшить вопросъ: „что такое изъ себя представляетъ русскій расколъ, случайное ли явленіе въ жизни русской церкви или неизбежно“ (стр. 273—278).

Систематизируя матеріаль, находящійся въ „Путешествіи“, о. Ефремовъ старается по возможности сопоставлять его съ свѣдѣтельствами другихъ источниковъ, преимущественно русскихъ, отчасти иностранныхъ. Послѣ провѣрки онъ не все сказанія архидіакона Павла принимаетъ: нѣкоторыя считаетъ ошибочными и исправляетъ, другія признаетъ преувеличенными и ослабляетъ. Такимъ образомъ въ сочиненіе вносится научно-критическій элементъ.

Сужденія автора, вообще правильныя, не все однако могутъ быть приняты. Такъ, о. Ефремовъ думаетъ, „что ближайшей причиною появленія раскола въ русской церкви была также и восточная церковь“. Онъ сѣтуетъ на бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ за то, что они не объяснили Никону значенія обрядовъ въ дѣлахъ вѣры, „что должны (были) и могли бы сдѣлать“. Безъ этого восточнаго учительства Никонъ и впалъ въ ошибки, не будучи въ состояніи самъ при отсутствіи „систематическаго правильнаго образованія“ „въ дѣлахъ вѣры отдѣлить важное отъ неважнаго, сущность отъ обряда, чина“ (147—148 стр.). Но мнѣнія нѣсколькихъ іерарховъ, бывшихъ въ то время въ Москвѣ по своимъ нуждамъ, не могутъ отождествляться съ голосомъ восточной церкви. Да и руководяція разъясненія во взглядѣ на обрядовыя разности Никонъ въ дѣйствительности имѣлъ, притомъ болѣе авторитетныя, чѣмъ голосъ нѣсколькихъ случайныхъ гостей-милостынесобирателей. Никону въ отвѣтъ на его недоумѣнія была прислана грамота константинопольскимъ патріархомъ Пансіемъ, составленная послѣ зрѣлаго собор-

наго обсужденія вопросовъ изъ Москвы. Только патріархъ Никонъ ей не послѣдовалъ.

Къ своему сочиненію о. Ефремовъ приложилъ весьма желательный въ ученomъ изслѣдованіи списокъ источниковъ и пособій (въ числѣ 92), безъ точнаго однако разграниченія однихъ отъ другихъ и безъ характеристики, хотя бы самой короткой, перечисляемыхъ имъ изданій.

Планъ сочиненія пуждается въ объединяющей идее, а заключеніе не находится въ органической связи съ предшествующими разсужденіями автора, занимаясь разрѣшеніемъ совершенно самостоятельнаго вопроса.

Недостатки сочиненія о. Ефремова совершенно однако искупаются его достоинствами. Какъ кандидатская диссертация оно должно быть признано очень хорошей работой“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Изложеніе своего вопроса авторъ поставилъ въ очень широкія рамки. Основательно изучивъ важную эпоху въ исторіи нашей церкви—начало обрядовыхъ исправленій и возникновеніе старообрядства—по главнѣйшимъ источникамъ и литературѣ, онъ сличилъ съ ними показанія арабскаго писателя діакона Павла, относящіяся къ тому времени. Эта широкая освѣдомленность вмѣстѣ съ выдающимся трудолюбіемъ автора помогли ему исчерпать свой источникъ и правильно оцѣнить его. Изложеніе сжато и дѣловито. По всему сказанному сочиненіе свящ. Ефремова заслуживаетъ похвалы“.

17) О сочиненіи студента *Ивановскаго Семона* на тему: „Ветхозавѣтное священство до Моисея“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Небольшая работа г. Ивановскаго производитъ впечатлѣніе строѣно составленнаго и продуманнаго дѣлаго. Оно состоитъ изъ введенія и 4 главъ, причемъ библейско-археологическій интересъ имѣютъ главы 2—4. Разсужденія автора, наполняющія введеніе и главу первую, носятъ отвлеченный характеръ и сбиваются или на принятія схемы или пріобрѣтаютъ отпечатокъ догматической учености. Съ пониманіемъ слова *погенъ* у автора можно не согласиться, особенно

странна попытка развернуть однослоговое кунъ въ двуслоговое каганъ, откуда являлось бы причастной деривацией когенъ. Съ горловыми звуками свободно обращались только поздно выступающіе на горизонтъ исторіи евреевъ самаряне. Сообщение автора, что когенъ по-арабски прорицатель, составляетъ его измышленіе, рецензентъ же ему указалъ бы хазарское каганъ, которое могло перейти въ аплофоническое ханъ, вишь какого-либо отношенія къ семитическому корню кунъ, каванъ. Авторъ склоненъ видѣть въ обозначеніи когенъ отраженіе взгляда на священника, какъ посредника, но любопытно, что позднѣйшее еврейство, отмѣчая посредствующее служеніе первосвященника, называетъ его апостоломъ—шеліахъ, напримѣръ, въ трактатъ о днѣ очищенія. Различеніе жречества и священства г. Ивановскимъ проводится туманно, зато социальныя основы священства вскрыты достаточно ясно и убѣдительно; его рѣчь о развитіи общества на базѣ дифференціаціи служеній соотвѣтствуетъ выводамъ археологической науки. 1 глава въ сочиненіи „о сущности ветхозавѣтнаго священства“ могла бы быть съ удобствомъ опущена въ археологическомъ изслѣдованіи, да и въ русской богословской литературѣ, если принять во вниманіе одну цитацию у нашего автора, этотъ вопросъ достаточно изученъ и освѣщенъ.

Во 2 главѣ сочиненія г. Ивановскій собственно приступаетъ къ археологическому экскурсу. Онъ дѣлитъ исторію ветхозавѣтнаго священства до Моисея на 3 періода: 1) отъ Адама до Авраама, 2) отъ послѣдняго до переселенія въ Египеть и 3) періодъ пребыванія евреевъ въ Египтѣ. Изъ *larsus* въ этихъ главахъ укажу на нѣкоторую натянутость аргументаціи по мѣстамъ, напримѣръ, доказательство ранняго появленія кровавыхъ жертвъ изъ факта созданія Богомъ кожаной одежды для прародителей; равно требовало бы болѣе вѣской аргументаціи высказываемое авторомъ аподектически положеніе о сотеріологическомъ характерѣ жертвоприношеній праотцевъ, рецензентъ обратилъ бы вниманіе такъ пишущаго на терминъ „мниха“, каковымъ обозначается жертва Каина и Авеля. Такимъ же некусственнымъ характеромъ отличается и аргументація по вопросу, почему Авраамъ сначала только строитъ жертвенникъ, а не приноситъ на немъ жертвы. Напрасно нашъ авторъ ставитъ храмъ.

въ тѣсное соприкосновеніе съ скиніей въ пустыль, забывая послѣдующую домообразную скинію въ Силомъ.

Но въ сочиненіи и немалыя достоинства. Авторъ прекрасно уяснилъ себѣ фактъ существованія культовъ общественнаго и домашняго и удачно примѣнилъ его къ примѣненію теоріи Гуммелауера о священствѣ, какъ сосредоточенномъ въ колѣбѣ Манассиномъ, съ воззрѣніями другихъ богослововъ на священническое достоинство первенцевъ въ періодъ до Моисея. На изложеніе и критику теоріи Гуммелауера падаетъ центръ тяжести всей работы г. Ивановскаго, и нужно, воздавая ему справедливое, сказать, что онъ здѣсь достаточно потрудился. Генеалогическія справки Гуммелауера имъ проверены, теорія послѣдняго изложена сжато и отчетливо, оппозиція священства изъ Манассиновъ представлена вышукло, хотя бы по вопросу о ропотѣ на Моисея со ссылкой на Египетскіе котлы съ мясомъ. Степень кандидата богословія должна быть достойнымъ поощреніемъ такихъ работъ, какъ трудъ г. Ивановскаго. По обработкѣ его сочиненіе стало бы даже очень хорошимъ“.

б) П. д. доцента *А. М. Туберовскаго*:

„При всей своей краткости, работа г. Ивановскаго представляетъ собою довольно полное и обстоятельное изслѣдованіе. И нужно еще удивляться, какимъ образомъ автору, не смотря на полное почти отсутствіе готоваго матеріала, удалось по такому спеціальному и темному вопросу сказать такъ много.

Особенно интересна IV' глава, гдѣ г. Ивановскій знакомитъ читателей съ остроумной теоріей Hummelauer'a, по которой левитское священство замѣнило лишь собою бывшее до него ранѣе, въ періодъ пребыванія евреевъ въ Египтѣ, священство изъ колѣна Манассина.

Единственный упрекъ, который можетъ сдѣлать второй рецензентъ съ точки зрѣнія своей специальности, касается усвоенія ветхозавѣтному священству какихъ-то „благодатныхъ“ правъ и силъ. Автору хорошо, конечно, извѣстно, что благодать—явленіе новозавѣтной жизни, противоположное данному чрезъ Моисея закону (Ис. I, 17). Поэтому, какъ бы ни было священно ветхозавѣтное жречество, оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть, какъ подзаконное, названо бла-

годатнымъ. Под-благодатность можетъ быть лишь усвояема христіанамъ и новозавѣтному священству, потому что какъ тѣ, такъ и другое не подзаконны.

Въ общемъ и по частямъ работа производитъ пріятное впечатлѣніе и заслуживаетъ высокой отмѣтки“.

18) О сочиненіи студента *священника Иванова Александра* на тему: „Сотеріологическое и эсхатологическое ученіе Оригена и его историческая судьба“.

а) Ординарнаго профессора *А. А. Спасскаго*:

„Содержаніе сочиненія св.яц. Иванова опредѣляется уже заглавіемъ его отдѣловъ. Обсудивъ во введеніи вопросъ о возможности прогресса богословской мысли и давъ на него утвердительный отвѣтъ, авторъ въ первой главѣ разсматриваетъ Оригена, какъ богослова, и опредѣляетъ его отношеніе къ преданію церкви и философіи (1—79). Далѣе слѣдуетъ подробное обсужденіе сотеріологическихъ и эсхатологическихъ вопросовъ, какъ они излагаются въ догматической системѣ Оригена, раздѣляемое по слѣдующимъ пунктамъ: первозданные духи и ихъ паденіе (81—121), состояніе падшаго человѣка (122—152), воплощеніе Логоса (152—201), искушительная дѣятельность Логоса (202—251), усвоеніе совершеннаго Имъ спасенія (252—293), безсмертіе души, состояніе умершихъ, воскресеніе мертвыхъ, конецъ міра (294—396), теорія безконечныхъ попытокъ и міровъ (397—434), ученіе о всеобщемъ возстановленіи и возвращеніи всѣхъ къ Богу (434—484). Сочиненіе заканчивается обширнымъ отдѣломъ „историческая судьба ученія Оригена“ (485—609).

Достоинство представленнаго сочиненія св. Иванова въ научной постановкѣ всего предпринятаго имъ изслѣдованія. Авторъ не только знакомъ съ иностранной и русской литературой по относящимся къ нему вопросамъ, но и изучилъ творенія Оригена по подлиннику въ такой достаточной мѣрѣ, что получилъ полную возможность обсуждать изслѣдуемые имъ вопросы болѣе или менѣе самостоятельнымъ образомъ. Каждый отдѣлъ его сочиненія представляетъ собой особый этюдъ, гдѣ изучаемый имъ предметъ изслѣдуется всесторонне и опредѣляются его результаты, и въ цѣломъ своемъ его работа даетъ исчерпывающее его задачи обзорѣніе со-

теріологiи и эсхатологiи Оригена. Полнота, содержательность—отличительныя черты сочиненія свящ. Иванова; пополнить его чѣмъ-либо новымъ или внести въ него существенныя поправки на основанiи использованной имъ литературы едва-ли возможно. Конечно, оно не безъ недостатковъ и доступно многимъ возраженiямъ. Не только сложность взятыхъ имъ вопросовъ, но и самая личность изучаемаго имъ автора,—Оригена съ его обильнымъ богословскими талантами, богатымъ творческимъ умомъ, способнымъ на самыя разнообразныя философско-богословскія концепцiи,—предоставляетъ каждому изслѣдователю его полную возможность многіе и существенныя пункты, касающіеся Оригена, истолковать въ иномъ порядкѣ и иномъ освѣщенiи.

Но эти трудности, эта возможность новыхъ точекъ зрѣнія и новыхъ освѣщенiй вопроса предстоитъ каждому изслѣдователю не только Оригена, но и при изученiи такихъ знаменитѣйшихъ богослововъ древности, какъ Аѳанасiй Александрiйскiй или Кириллъ Александрiйскiй; они не только не вредятъ научному прогрессу, но лишь создаютъ возможность для науки обогащать себя разнообразіемъ изслѣдованiй.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія сочиненіе свящ. Иванова, нужно признать его работу одной изъ серіозныхъ попытокъ выяснитъ все трудности и сложныя проблемы, связанныя съ именемъ Оригена, которая по своей научной постановкѣ, детальности и полнотѣ, съ какими здѣсь обсуждаются все пункты сотеріологiи и эсхатологiи Оригена, является не только заслуживающей степени кандидата богословія, но и долженствующей быть причисленной къ такимъ явленiямъ, которыя рѣдко наблюдаются на студенческой скамьѣ“.

б) И. д. доцента *О. М. Россейкина:*

„Избранной о. Ивановымъ темой требовалось изложить существенную часть сложной религіозно-философской системы знаменитаго александрiйскаго учителя. Изучать и излагать часть системы внѣ ея связи съ цѣлымъ—дѣло, конечно, невозможное, и авторъ совершенно правильно при раскрытiи сотеріологiи и эсхатологiи Оригена всегда имѣть въ виду и его общее догматико-философское міровоз-

зрѣніе. Если къ этому прибавить, что въ объемъ темы входила историческая судьба ученія Оригена, то станетъ ясно, съ какимъ количествомъ частныхъ вопросовъ долженъ былъ имѣть дѣло о. Ивановъ. Съ другой стороны, каждый вопросъ онъ разсматриваетъ обстоятельно и полно. Въ результатѣ, сочиненіе о. Иванова разрослось въ обширную (XVI+609) монографію, охватывающую взятую тему полно и всесторонне.

Система Оригена излагалась неоднократно и ранѣе. О. Ивановъ не игнорируетъ эти изложенія, пользуется ими; но онъ знаетъ и сочиненія самого Оригена и ихъ прежде всего имѣетъ въ виду. Хорошее знакомство съ источникомъ и литературой вопроса сообщаетъ работѣ характеръ научности.

Сужденія автора здравы и полновѣсны; тонъ изложенія спокойный и увѣренный.

Сочиненіе потребовало не мало трудовъ. Кажется, авторъ не пожалѣлъ ихъ прежде всего потому, что подчинился обаянію изучаемаго имъ мыслителя и проникся къ нему живыми симпатіями. Уваженіе и сочувствіе къ Оригену сквозитъ въ сочиненіи съ первыхъ страницъ и до послѣднихъ, отнюдь впрочемъ не въ ущербъ научному безпристрастію. Не безъ апологетической цѣли, но и вполне основательно по существу, въ предисловіи сочиненія раскрыть тезисъ, что каждый мыслитель долженъ оцѣниваться „относительно“, съ точки зрѣнія современнаго ему момента; тогда его работа получаетъ свой истинный смыслъ, положительныя достоинства ея выступаютъ рельефнѣе, „а отрицательныя моменты теряютъ свою остроту и силу“ (XVI; ср. 575 стр.). Въ дальнѣйшемъ авторъ горячо защищаетъ Оригена отъ упрековъ въ синкретизмъ христіанства и греческой философіи, обосновывая ту мысль, что Оригенъ твердо держался апостольскаго преданія, самостоятельно пытаясь рѣшать лишь тѣ вопросы догматическаго характера, которые не имѣли общецерковнаго рѣшенія, и если замечивалъ изъ философіи тѣ или нныя идеи, то всегда давалъ имъ собственное освѣщеніе, вытекающее изъ началъ христіанскаго ученія. Авторъ, конечно, не думаетъ раздѣлять неправильныя мнѣнія Оригена; но склоненъ давать имъ толкованіе, скорѣе приближающее, чѣмъ удаляющее ихъ отъ католическаго ученія (ср. стр. 220); подчеркиваетъ, что Оригенъ не считалъ

своихъ мнѣній окончательными, а лишь гипотезами (стр. 296); охотно удѣляетъ мѣсто экскурсамъ въ защиту Оригена отъ предъявлявшихся ему обвиненій (335 и далѣе); очень недоволенъ, если оригенисты пошли гораздо далѣе своего учителя, привязавъ къ его тезисамъ выводы, явно непримиримые съ католическимъ ученіемъ, и возлагаетъ всю отвѣтственность за неправомыслие на неосмотрительныхъ и беззастѣнчивыхъ учениковъ (504); известному эдипту Юстиніана отъ 543 года отказываетъ въ безпристрастности (533); наконецъ, внимательно пересматриваетъ вопросъ объ осужденіи Оригена на 5 вселенскомъ соборѣ и, не видя возможности отвергнуть фактъ осужденія, останавливается однако на среднемъ толкованіи Дикамна (608—609) и заканчиваетъ мнѣніемъ Фрешеля, что соборныя акты не падали на оригенизмъ какъ систему, но не на самого Оригена. Живое сочувствіе автора къ личности и судьбѣ изучаемаго имъ мыслителя (ср. 484 стр.) дѣйствуетъ импонирующимъ образомъ, вознаграждая читателя за трудъ чтенія.—Къ отдѣлу о 5 соборѣ автору можно-бы посоветовать поискать аналогіи съ Трульскимъ соборомъ и повнимательнѣе отнестись къ мнѣнію такого ученаго какъ Hefele.

Цитируя иностранныхъ авторовъ, о. Ивановъ обычно даетъ хорошій переводъ. Но въ одномъ мѣстѣ (стр. 8) онъ едва-ли удачно перевелъ слово *évolutions* малоупотребительнымъ технически—военнымъ терминомъ „эволюціи“; проще и лучше перевести словомъ „движенія“.

Авторъ пишетъ: „антиоригенисты“ (526; 538; 571); „*Θοτίη*“ (538). При переносахъ словъ, кажется, предпочитаетъ руководиться не правилами грамматики, а соображеніями эстетическаго рода, разрѣзая слово тамъ, гдѣ это нужно, чтобы всѣ строчки на страницѣ были равной длины.—На первомъ мѣстѣ въ спискѣ „источниковъ и руководствъ“ стоитъ: „*Patrologiae cursus completus, series graeca. Migne*“. Нужно, конечно, указать томы.

Солидный трудъ о. Иванова даетъ ему полное право на полученіе степени кандидата богословія*.

19) О сочиненіи студента *Илюмова Ивана* на тему: „Вопросъ о личномъ спасеніи и служеніи общественному благу“ (По

поводу нападокъ на монашество въ современной литературѣ).

а) Ректора Академіи *Епископа Осодора*:

„Задача настоящаго сочиненія требовала отъ автора широкаго и основательнаго изученія современной литературы—богословской и свѣтской,—которая, особенно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дружно ополчилась на тотъ основной принципъ, который лежитъ въ основѣ монашества, какъ оно исторически себя проявило. Это и исполнено авторомъ весьма добросовѣстно: не только болѣе или менѣе крупныя литературныя произведенія такъ называемыхъ „неохристіанъ“—главныхъ противниковъ монашества и вообще всякаго аскетизма, но и сравнительно мелкія журнальныя статьи и беллетристическія произведенія антимонашескаго направленія, все это собрано авторомъ, прочитано и приведено къ единству основныхъ мыслей. Не опущенъ авторомъ безъ должнаго и серьезнаго вниманія и споръ о монашествѣ, возникшій среди представителей богословской науки на страницахъ духовныхъ журналовъ („Бог. Вѣстн.“ „Душеп. Чт.“), споръ, обнаружившій у защитниковъ общественаго идеала для монашества удивительное отсутствіе здороваго религіознаго чутья и невольное плѣненіе предвзятыми идеями безпринципныхъ въ религіозномъ отношеніи радѣтелей общаго блага. Для послѣднихъ, никогда не жившихъ по христіански въ собственномъ смыслѣ слова и потому не понимающихъ ни дѣла Христова, ни жизни во Христвѣ, конечно задача личнаго спасенія можетъ казаться странной, а тотъ путь, которымъ идутъ подвижники, даже противоестественнымъ. Тутъ извинительно и непониманіе монашества и его задачи, потому что исключительно земная точка зрѣнія, на которой стоятъ противники монашества, сама по себѣ дѣлаетъ невозможнымъ правильное сужденіе о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ небесному и вѣчному. Но вотъ для богослововъ, которые должны-бы помнить „тайны царствія Божія“ и о духовномъ разсуждать духовно, уже непроспительно это опороченіе цѣли монашеской жизни—личнаго спасенія,—ибо это граничить съ опороченіемъ той цѣли, ради которой пришелъ Христосъ Спаситель:—„грѣшныя спасти“, призывать людей прежде всего къ „покаянію“ и „исканію царствія Божія и правды

его". Эта основная мысль, что ни свѣтскіе писатели, ни тѣ богословы, которые отрицаютъ цѣнность дѣла личнаго спасенія и указываютъ всѣмъ и особенно монахамъ задачу общественнаго служенія, не понимаютъ ни существа христіанской жизни, ни существа самаго подвижничества, ни сущности историческаго уклада жизни православнаго монашества, какимъ оно было всегда по своимъ идеаламъ, и проходить чрезъ все сочиненіе г. Изюмова. Его основная мысль, — это: не только всегдашняя историческая вѣрность монашества самому себѣ и своему идеалу (только личнаго спасенія), но и правда въ этомъ монашества въ его отношеніи къ существу христіанской задачи жизни. Мы бы дополнили еще: въ христіанствѣ удивительнымъ образомъ разрѣшаются и объединяются тѣ противорѣчія, коими полна человѣческая жизнь; разрѣшается и примиряется, напр., множественность и единство, свобода и необходимость, вѣра и знаніе, объединяется и совмѣщается и это кажущееся для плотскаго пониманія различіе дѣла служенія личному спасенію и общему благу; болѣе того: эти задачи совпадаютъ и неотдѣлимы одна отъ другой.

Планъ своей работы г. Изюмовъ опредѣленно указываетъ на стр. 27—30 и этотъ планъ дѣйствительно обнимаетъ полно всю перспективу его работы и послѣдовательно раскрываетъ ту основную мысль, которую мы выше указали, какъ главную въ его сочиненіи. Сначала (1 гл.) у него довольно подробно излагаются основныя мысли противниковъ монашества изъ лагеря свѣтской литературы (стр. 31—75), затѣмъ (2 гл.) нападки духовной литературы (75—106). Въ 3-й гл. устанавливается то основное міровоззрѣніе свѣтской литературы, на почвѣ котораго и возникаютъ у ней возраженія монашеству (106—145) и указывается полное несоотвѣтствіе и неприложимость ея (свѣтской литературы) точки зрѣнія для правильнаго рѣшенія поднятаго вопроса. Въ 4-й гл. устанавливается необходимость перенесенія вопроса о личномъ спасеніи и служеніи общественному благу для его правильнаго рѣшенія на христіанскую почву; указывается необходимость для спасенія подвига—аскетизма и выясняется уже съ христіанской точки зрѣнія отношеніе начала аскетизма къ жизни и міру. Отсюда намѣчается принципиальное рѣшеніе вопроса (146—220). Въ 5-й гл. раскры-

вается и утверждается наличность въ монашествѣ и вообще въ подвижничествѣ ради личнаго спасенія начала и элемента служенія и общественному благу (220 — 250) и наконецъ въ 6-й главѣ авторъ удачно критикуетъ и разъясняетъ непригодность проекта реформировать современное монашество по идеалу служенія общественному благу, какъ хотѣлось бы это сдѣлать нѣкоторымъ свѣтскимъ писателямъ и ученымъ богословамъ (стр. 251 — 280). Въ указанномъ планѣ автора можно указать одну брешь: по примѣру 3-й гл., гдѣ у него опредѣляется основное мировоззрѣнiе свѣтской литературы, на почвѣ котораго она и дѣлаетъ возраженiе монашеству, слѣдовало бы опредѣлить и въ отношенiи духовной литературы, отрицающей за монашествомъ цѣнность идеала личнаго спасенія, тотъ основной принципъ, съ коего и она дѣлаетъ натискъ, съ цѣлю яснѣе показать ея слабый пунктъ. Видимо этой цѣли служить отчасти 5-я глава, съ предварительными сужденiями въ 4-й главѣ. Но сама по себѣ 5-я глава, весьма важная во всемъ планѣ работы г. Изюмова, выполнена сравнительно слабо. Здѣсь не дается принципиальнаго раскрытiя той весьма важной мысли, что въ христіанскомъ подвижничествѣ, въ его задачѣ личнаго спасенія совмѣщается и задача служенія общему благу, конечно понимаемому по христіански. Вотъ этотъ-то синтезъ идей личнаго спасенія и общественнаго блага и не раскрытъ принципиально въ достаточной полнотой у г. Изюмова. Эта мысль у него раскрывается фактами изъ исторiи монашества, свидѣтельствующими наглядно, что монашество всегда имѣло громадное влiянiе на общественную жизнь, на гражданскую и даже политическую.

Впрочемъ и въ этомъ своемъ видѣ глава 5-я у автора имѣетъ цѣну и интересъ.

Сочиненiе нѣсколько страдаетъ еще отъ необработанности языка, и, если-бы авторъ придалъ ему нѣкоторую литературную обработку, оно могло-бы съ интересомъ читаться въ какомъ-нибудь періодическомъ журналѣ.

Степени кандидата богословія авторъ за свое сочиненiе заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Небольшое, но написанное съ пониманiемъ дѣла, сочи-

неніе студента Ивана Изюмова посвящено интересному вопросу, выдвинутому современностію. Авторъ далъ въ немъ достаточно полный обзоръ „терристической“ (terra) литературы, которая смотритъ на вселенную „съ единственно-доступной ей обсерваторіи—съ земли“. Христіанство также оцѣнивается этою литературою съ основной ея „терристической“ точки зрѣнія. Своеобразно понятое ею „общественное благо“ не оставляетъ въ ней мѣста разумѣнію высшаго смысла жизни. Отсюда нападки на монашество и непониманіе вопросовъ личнаго спасенія и въ частности—аскетики. Таковы, въ общемъ, богато иллюстрированныя, основныя мысли автора.

Но вѣрныя по существу, основоположенія г. Изюмова недостаточно развиты съ принципіальной стороны. Авторъ въ своемъ сочиненіи слѣдуетъ, главнымъ образомъ, методу полемистовъ, оспаривающихъ обыкновенно отдѣльныя положенія противниковъ. Отсюда въ его сочиненіи цѣлый рядъ справокъ, которыя онъ отыскивалъ у беллетристовъ и богослововъ, съ одной стороны, въ цѣляхъ обличенія взглядовъ сторонниковъ узко понятаго „общественнаго блага“, а съ другой, въ видахъ обоснованія своихъ сужденій. Но принципіальная сторона дѣла отходитъ у автора на второй планъ. Правда, онъ дѣлаетъ попытку уяснить понятіе „міра“ и „жизни“ съ этой послѣдней принципіальной стороны, но его какъ бы настойчиво преслѣдуютъ готовые рѣшенія и выводы—и онъ принимаетъ ихъ.

Но этотъ главный недостатокъ сочиненія г. Изюмова, касающійся методологической стороны его вопроса, видоизмѣняетъ желательный характеръ его работы, но не колеблетъ, однако, его правильныхъ, въ цѣломъ, выводовъ, которые, къ тому же, онъ пытается обосновать сужденіями христіанскихъ подвижниковъ и выдающихся аскетовъ.

Вотъ почему мы и признаемъ сочиненіе г. Изюмова вполне удовлетворительнымъ, а автора его достойнымъ степени кандидата богословія“.

20) О сочиненіи студента священника Ильинскаго *Мисаила* на тему: „Нравственно-христіанское ученіе свѣтителя Тихона Задонскаго“.

а) Ректора Академіи *Епископа Осодора*:

„Сочиненіе священника Ильинскаго можетъ быть названо

вполнѣ добросовѣстной работой, какъ со стороны обстоятельнаго изученія имъ твореній Святителя Тихона, такъ и со стороны полноты изложенія христіанскаго міровоззрѣнія Святителя. Самое изложеніе матеріала, почерпаемаго авторомъ изъ твореній Св. Тихона, систематично и назидательно просто; авторъ не выходитъ изъ круга идей Святителя, не уклоняется на путь к. п. научно-богословскихъ экскурсовъ. сопоставленій, ссылокъ, а раскрываетъ религіозное міровоззрѣніе Святителя словами самого же Святителя по плану, обнимающему сущность всей нравственной христіанской системы. Авторъ говоритъ о грѣхѣ въ пониманіи его Святителемъ, начиная съ этого вопроса самое изложеніе религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія Святителя. Это вполнѣ естественно, ибо вся сотеріологія и вся мораль христіанская въ своихъ основныхъ началахъ опредѣляется фактомъ грѣха въ жизни человѣка и проявленіемъ его въ чловѣкѣ.

Вотъ почему авторъ вполнѣ правильно въ началѣ II-й гл. сочиненія (I-я глава посвящена біографіи Святителя) сосредоточиваетъ свое вниманіе на психологіи грѣха, стараясь выяснитъ дѣйствіе грѣха въ жизни человѣка путемъ сравнительнаго сопоставленія жизни и природы человѣка до грѣхопаденія и послѣ грѣхопаденія. Опредѣленно авторъ устанавливаетъ взглядъ Святителя на состояніе свободы человѣка въ грѣхѣ и на самый процессъ образованія грѣха. Отсюда намѣчается имъ жизненная задача человѣка, призваннаго во Христвъ ко спасенію: необходимость борьбы съ міромъ, плотію и діаволомъ, безъ коей (борьбы) и самое возрожденіе человѣка не можетъ совершиться. Въ чемъ выражается жизнь возрожденнаго во Христвъ человѣка, это авторъ раскрываетъ въ III-й гл. своего сочиненія, изображая тѣ основныя настроенія христіанина, или „добродѣтели“, которыя составляютъ главную особенность святой христіанской жизни: по отношенію къ Богу—смиреніе, страхъ, любовь и благодареніе; къ ближнимъ—милосердіе и любовь; къ міру—свобода отъ пристрастій и пр.

Есть у автора и попытка начертать по указанію Святителя Тихона какъ бы руководство къ спасительному пути,— это IV гл., которую онъ называетъ „Христіанской аскетикой“.

Но здѣсь только конспективно указываются тѣ средства,

кои обуславливаютъ христіанскій путь къ нравственному совершенству, напр. вѣрность Св. Церкви, таинства, молитва, постъ. труды въ духѣ любви и пр. Собственно специально-аскетической психологіи и аскетики, какъ изображенія всего процесса спасенія въ послѣдовательномъ его движеніи, у автора нѣтъ. Намъ кажется даже, что авторъ не уяснилъ себѣ окончательно, что по ученію Святителя Тихона является началомъ спасенія: познаніе себя, или познаніе Бога? У автора въ этомъ замѣтна нѣкоторая путаница (см. стр. 134—143). Вообще тонкости аскетической психологіи автору не понятны.

Думается намъ также, что заключительная часть сочиненія (V-я гл.), въ которой авторъ даетъ характеристику личности Святителя, была-бы болѣе умѣстна по внутренней связи своей въ началѣ сочиненія, тамъ, гдѣ авторъ даетъ біографію Святителя. Но это недостатокъ плана и существа сочиненія не касается. Въ общемъ сочиненіе священника Ильинскаго производитъ своей ясностью, простотой и назидательностью пріятное впечатлѣніе и даетъ ему право на полученіе степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе о. Михаила Ильинскаго въ цѣломъ является добросовѣстною работою, свидѣтельствующею о томъ, что авторъ обстоятельно ознакомился съ твореніями святителя Тихона Задонскаго, который, по его же собственнымъ словамъ, „старался своими сочиненіями принести пользу братіи-христіанамъ“ и расположить „душу свою унывающую къ покаянію и подвигу въ благочестіи“. Видно, что мысли проникновенныхъ твореній Задонскаго святителя преломлялись въ сознаніи автора не какъ простыя, хотя бы и безспорныя, теоретическія положенія, но какъ дорогія нравственному сознанію руководящія правила жизни. Этимъ объясняется и общій характеръ серьезно-вдумчивой, часто проникновенной, работы автора.

Въ частности, схема работы автора не безупречна. Такъ, въ началѣ сочиненія онъ даетъ общую, и быть можетъ слишкомъ общую, біографію святителя и отрываетъ отъ нея характеристику самой личности, которой онъ отводитъ особое мѣсто въ послѣдней 5-ой главѣ, тогда какъ такую характе-

ристику естественно было присоединить къ общей біографіи. Слѣдуетъ отмѣтить также и то, что многое изъ „характеристики“ святителя могло бы найти мѣсто въ изложеніи нравственно-христіанскаго и аскетическаго міросозерцанія святителя, какъ, на примѣръ, все то, что о. Ильинскій говоритъ о „богомисліи“ по твореніямъ святителя Тихона (стр. 211 и слѣд.).

Далѣе, сказавъ (во 2-й главѣ) о религіозномъ міровоззрѣніи святителя Тихона, авторъ въ 3-й главѣ говоритъ о христіанскомъ идеалѣ по ученію Задонскаго святителя. Понятно, что „христіанскій идеалъ“ долженъ былъ служить точкою отсчета при рѣшеніи вопроса о религіозномъ міровоззрѣніи святителя.

Но эти недочеты сочиненія о. Ильинскаго не помѣшали полному и всестороннему обследованію имъ твореній святителя Тихона. Перестройка плана сочиненія въ указанномъ нами порядкѣ несомнѣнно выгодно отразилась бы на общей группировкѣ матеріала, которымъ располагалъ о. Ильинскій. Однако это касается болѣе формы сочиненія, чѣмъ существа его.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе о. Ильинскаго вполне удовлетворительною кандидатскою работою“.

21) О сочиненіи студента *Ильинскаго Николая* на тему: „Василій Осиповичъ Ключевскій, какъ историкъ русской церкви“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Послѣ небольшого введенія сочиненіе раздѣлено на четыре главы: въ I сообщаются біографическія данныя о В. О. Ключевскомъ, которыя объясняютъ его тяготѣніе къ церковно-историческимъ вопросамъ и отчасти самыя церковно-историческіе взгляды его, во II говорится о главномъ церковно-историческомъ трудѣ покойнаго историка „Древнерусскихъ житіяхъ святыхъ“, въ III—о древнерусскихъ монастыряхъ, въ IV—о вліяніи русской церкви на бытъ и нравы. Въ V гл. авторъ намѣренъ былъ описать взглядъ Ключевскаго на происхожденіе раскола старообрядства, но не успѣлъ.

Авторъ собираетъ по разнымъ трудамъ В. О. Ключевскаго

его церковно-историческія воззрѣнія и группируетъ ихъ по отмѣченнымъ отдѣламъ, при чемъ излагаетъ по возможности не отступая далеко отъ выраженій изучаемаго автора. Получились такимъ образомъ очень интересные, цѣльные, живо написанные очерки, отражающіе огромный талантъ покойнаго историка. Но такая работа для г. Ильинскаго была лишь предварительной. Отъ него требовалось еще синтезировать частные моменты церковно-историческихъ воззрѣній Ключевскаго, уловить ихъ основную мысль и генезисъ, наконецъ, хотя бы только попытаться критически разсмотрѣть воззрѣнія знаменитаго ученаго. Этого не сдѣлано. И объясненіе пробѣла въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, г. Ильинскій не успѣлъ окончить своего труда, онъ не написалъ главы о происхожденіи старообрядства, между тѣмъ это самое характерное явленіе нашей древней церковной исторіи, и сужденія Ключевскаго о происхожденіи старообрядства, можетъ быть, открыли бы отчасти общія воззрѣнія покойнаго историка на церковно-историческій процессъ. Во-вторыхъ, г. Ильинскій, взявъ главнѣйшее изъ трудовъ Ключевскаго, напрасно опустилъ кажущіяся мелочи, напр., частныя замѣчанія въ Курсѣ исторіи, которыя иногда вскрываютъ, какъ думалъ Ключевскій относительно крупныхъ вопросовъ нашего церковнаго прошлаго.

Достоинствомъ сочиненія надо признать то, что авторъ обнаружилъ въ немъ большой интересъ, даже увлеченіе своимъ вопросомъ, хорошо изучилъ многочисленныя, разновременныя, разбросанныя по разнымъ изданіямъ изслѣдованія Ключевскаго, наконецъ, сумѣлъ немногословно и точно изложить тонкія и глубокомысленныя построенія покойнаго историка. Это въ значительной мѣрѣ искупаетъ указанные недочеты сочиненія и заставляетъ признать его очень хорошимъ“.

б) И. д. доцента *А. М. Россейкина*:

„Въ теченіе годъ, протекшаго со дня смерти В. О. Ключевскаго, о личности покойнаго историка успѣла составиться цѣлая литература, посвященная выясненію его значенія для русской науки и общества и освѣтвившая по возможности всѣ стороны его научной дѣятельности. Менѣе всего осталась раскрытой одна сторона, это—значеніе покойнаго для

русской церковной исторіи. Между тѣмъ эта сторона не малозначительна. Не принадлежа къ числу официальныхъ историковъ русской церкви, В. О. въ своихъ изслѣдованіяхъ много работалъ въ церковно-исторической области, и послѣдняя обязана ему не малымъ.

Интересную задачу охарактеризовать В. О. какъ историка русской церкви и принялъ на себя г. Ильинскій. Для выполненія задачи авторъ предположилъ во 1-хъ, изложить біографію В. О-ча, останавливаясь на тѣхъ преимущественно моментахъ, которые могутъ уяснить генезисъ его церковно-историческихъ взглядовъ; во 2-хъ, дать разборъ основного церковно-историческаго сочиненія В. О-ча о „Житіяхъ“; передать, въ 3-хъ, взглядъ В. О-ча на происхожденіе, развитіе и государственно - общественное значеніе древне-русскихъ монастырей,—въ 4-хъ, оцѣнку В. О-чемъ вліянія русской церкви на общественный и частный бытъ и нравы русскаго народа и въ 5-хъ, его взглядъ на расколъ.

Авторъ не скрывалъ отъ себя ожидавшихъ его трудностей и не безъ смущенія приступалъ къ работѣ (стр. VIII). И нужно признать, что его опасенія въ извѣстной мѣрѣ оправдались: своей задачи во всей полнотѣ онъ не рѣшилъ.

Г. Ильинскій трудолюбиво собралъ работы В. О-ча, внимательно ихъ перечиталъ и тщательно изложилъ содержаніе тѣхъ изъ нихъ, которыя относились къ его темѣ. Читатель получаетъ отчетливое представленіе объ основныхъ трудахъ В. О-ча, имѣющихъ церковно-историческое значеніе, и о его взглядахъ по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи русской церкви и религіознаго быта русскаго народа. Но, какъ замѣчено, своего дѣла г. Ильинскій до конца не довелъ. Во 1-хъ, онъ не написалъ главу о взглядахъ В. О-ча на расколъ; во 2-хъ, не очертилъ общаго церковно-историческаго міросозерцанія В. О-ча и, для большинства затронутыхъ вопросовъ, не указалъ, какое мѣсто рѣшеніе В. О-ча занимаетъ въ наукѣ,—не охарактеризовалъ, такъ сказать, его научную „опричину“.

Та своеобразная обработка біографіи В. О-ча, какую ставилъ себѣ цѣлью г. Ильинскій, вынуждала его быть самостоятельнымъ, такъ какъ здѣсь предшественниковъ онъ не имѣлъ. Но въ его распоряженіи не оказалось достаточнаго матеріала изъ дѣтскихъ лѣтъ В. О-ча, и тогда авторъ пу-

скается въ область предположеній, иногда мало удовлетворительныхъ. Авторъ хочетъ, напр., выяснитъ возможное вліяніе на В. О-ча со стороны его отца, сельскаго священника: отмѣтивъ, что отецъ В. О-ча трудился надъ просвѣщеніемъ мѣстнаго полуязыческаго мордовскаго населенія, авторъ продолжаетъ: „возможно, что впечатлительная душа будущаго историка—художника еще въ дѣтствѣ внѣдрила въ себя задатки для опредѣленія историческаго значенія духовенства въ круговоротъ русской жизни, того значенія, по которому послѣднему относится мѣсто носителя идей христіанской культуры и равенства въ мірѣ варварства и насилія“ (стр. 6). Можно согласиться, что отмѣченныя дѣтскія впечатлѣнія содѣйствовали выработкѣ взгляда на духовенство, какъ носителя христіанской культуры: но при чемъ-же тутъ „идея равенства въ мірѣ варварства и насилія“?—Въ той-же первой главѣ (стр. 16) невѣрно указанъ годъ поступления В. О-ча въ Пензенскую семинарію.

Въ своемъ изложеніи г. Ильинскій предпочитаетъ держаться ближе къ изучаемому автору и обычно отражаетъ достоинства его стиля. Но лучшія страницы сочиненія г. Ильинскаго, конечно, тѣ, которыя цѣликомъ взяты у В. О-ча.

Встрѣчаются, хотя и рѣдко, у самого автора мало удачныя выраженія („духовенство, какъ интеллектуальный сельскій классъ“, стр. 4; „ихнія“, стр. 46; „наиболѣе интереснѣйшій“, стр. 59).

Степени кандидата богословія г. Ильинскій вполне заслуживаетъ“.

22) О сочиненіи студента, сербскаго уроженца, *іеромонаха Серафима (Іовановича)* на тему: „Сравнительная оцѣнка главныхъ типовъ реставраціи ветхозавѣтнаго храма“.

а) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*:

„Обширное сочиненіе о. Іовановича свидѣтельствуетъ объ его трудоспособности и начитанности въ области, подлежащей его изслѣдованію. Понимая подъ наименованіемъ „ветхозавѣтный“ храмъ Іерусалимское святилище во всѣ времена самобытнаго существованія еврейства въ Палестинѣ, о. Іова-

новичъ говорить не только о храмѣ Соломона, составляющемъ центральный пунктъ въ его изысканіяхъ, но и о храмѣ послѣднѣшняго времени, нашедшемъ описаніе своей архитектуроники въ сочиненіяхъ Іосифа Флавія и въ талмудическомъ трактатѣ Миддотъ. Итакъ со стороны широты кругозора автору рецензируемаго сочиненія нельзя поставить упрека, но онъ его заслуживаетъ, когда перейдемъ къ его методу изложенія. Поцитировавъ свои первоисточники и второстепенныя пособія, онъ излагаетъ данныя тѣхъ и другихъ смѣшанно, такъ что уравновѣщено значеніе основнаго библейскаго текста и комментирующихъ его изслѣдованій. Кромѣ того расширение описательной части въ сочиненіи не соответствуетъ тематическому вопросу: отъ о. Іовановича вовсе не требовалось описывать ветхозавѣтный храмъ, тѣмъ болѣе его утварь, какъ онъ дѣлаетъ по мѣстамъ, но нужно было, исходя изъ библейскихъ или эллино-раввинистическихъ данныхъ, освѣтить и главное схематизировать существующіе не частныя *виды*, но *типы* реставраціи Іерусалимскаго храма отъ древности до нашихъ дней. Важное значеніе при этомъ приобрѣтала общая исторія античнаго искусства, особенно на востокѣ, у народовъ близкихъ къ Палестинѣ территориально или по политико-коммерческимъ сношеніямъ. Поэтому вмѣсто матеріала, составляющаго у о. Іовановича введеніе къ его труду, удобнѣе было бы помѣстить общій эскизъ по исторіи храмовой архитектуроники на востокѣ. Далѣе у о. Іовановича остается невыясненнымъ понятіе „типъ реставраціи“. Типъ предполагаетъ существованіе нѣсколькихъ аналогичныхъ формъ, каковыя онъ объединяетъ, суммируя всѣ черты сходства и отбрасывая индивидуальныя особенности частныхъ видовъ реставраціи храма. Сколько типовъ наблюдается въ коньектурахъ ученыхъ по этому вопросу, у о. Іовановича не выяснено, равно нѣтъ и опредѣленія, какъ типы реставраціи коренятся въ изученіи синхронистическаго Іерусалимскаго храма зодчества востока. Благодаря всему ранѣе сказанному обширное сочиненіе о. Іовановича не даетъ цѣлостнаго впечатлѣнія отъ многовѣковой исторіи попытокъ библіологовъ и археологовъ возсоздать Іерусалимскій храмъ не только въ планѣ, но и въ частности.

Нашъ авторъ удѣляетъ много вниманія геодезическимъ

нысканіямъ въ области Морія, поскольку именно террасовидный характеръ мѣстности отразился на типахъ реставраціи нашихъ отечественныхъ ученыхъ. Русской библейско-археологической наукѣ о. Іовановичъ отводитъ подобающее почетное мѣсто въ ряду трактатовъ западныхъ библейскихъ изслѣдователей, но древнихъ типовъ реставраціи напримѣръ Пайяллу онъ не касается, вообще хронологической схемы у о. Іовановича не имѣется, изъ западныхъ ученыхъ онъ интересуется Вогюэ (отчасти), болѣе Перро и Шипіэ, мимоходомъ Фергюссономъ, оставляя въ тѣни и забвеніи знаменитаго Шика и оригинальнаго Пэна. Литература по вопросу о храмѣ, видѣнномъ Іезекіилемъ, также представлена слабо.

Но въ сочиненіи имѣются и достоинства: во первыхъ литературный русскій языкъ, складное синтаксическое построение рѣчи, допускающее быть отмѣченнымъ въ сочиненіи иностранца. О. Іовановичъ прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ, много переведивъ изъ Перро, отчасти изъ Вогюэ, Сольси (*Histoire de l'art judaïque*) и т. п. Рецензенту извѣстно и знаніе о. Іовановичемъ элементовъ арабскаго языка, спорадическіе слѣды каковаго замѣтны въ сочиненіи. Ограниченный временемъ о. Іовановичъ не успѣлъ продумать всего собраннаго имъ обширнаго матеріала, а поэтому внесъ въ сочиненіе много сырыхъ, необработанныхъ данныхъ, но его трудолюбіе служить показателемъ, что и это сырье превратилось бы въ выработанныя ткани, будь авторъ внѣ срока для окончанія своего изслѣдованія. Появленіемъ своего труда на сербскомъ языкѣ онъ оказалъ бы несомнѣнную пользу славянской наукѣ. Степени кандидата богословія о. Іовановичъ заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора А. А. *Спаскаго*:

„Авторъ съ должной внимательностью выполнилъ предлагаемую ему задачу, ознакомился съ необходимыми для него источниками, пособіями и въ сложномъ и полномъ гипотезъ вопросѣ всталъ на возможно правильный путь. Недостатокъ сочиненія заключается частью въ полномъ отсутствіи или неумѣнн владѣть критическимъ методомъ: онъ больше пользуется пособіями, чѣмъ источниками, и въ защиту исторической дѣйствительности такихъ важныхъ для него пунктовъ, какъ напр. видѣніе прор. Іезекіиля и друг., онъ

приводить слабые, а иногда и наивные аргументы. Степень кандидата его сочинение заслуживает”.

23) О сочинении студента священника Коновалова Иосифа на тему: „Книга Есфирь и праздник Пурим”.

а) Экстраординарного профессора священника Е. А. Воронцова:

„Сочинение о. Коновалова состоит из 2 частей, сообразно двойственному характеру темы, требовавшей соединенія двухъ относительно самостоятельныхъ излѣдованій: библейско-исагогическаго и библейско-археологическаго. Свою задачу о. Коноваловъ выполнилъ такъ, какъ только можно ожидать отъ усидчивой годичной работы. Блестящій лингвистъ, человекъ строго-библейской школы, нашъ авторъ изумляетъ богатствомъ общей эрудиціи и такими детальными познаніями въ области подлежащихъ его излѣдованію вопросовъ, что побуждаетъ рецензента признать его трудъ требующимъ только литературной и внѣшней переработки для того, чтобы стать весьма полезной для библейско-археологической науки магистерскою диссертациею. При безспорно цѣнномъ научномъ содержаніи, положительно рѣдкою для кандидатской работы, писанной въ краткій срокъ, сочинение производитъ по мѣстамъ нѣсколько непріятное впечатлѣніе въ неумѣлой перепискѣ.

Въ первой части о. Коноваловъ даетъ послѣдовательный обзоръ данныхъ о каноничности и историчности книги Есфирь, предваряя свой синопсисъ свѣдѣніями о наименованіи книги и замыкая его послѣдними замѣтками объ авторѣ и датѣ этого библейскаго памятника. Дѣленіе матеріала на главы, какъ это дѣлаетъ авторъ, здѣсь потому уже неумѣстно, что первая, особенно четвертая главы при сравненіи со второю и третьею оказываются несоразмѣрными. Содержаніе этихъ главъ удобнѣе замкнуть въ предѣлахъ введенія и растворить во второй и третьей главахъ. Такимъ образомъ внѣ введенія, куда относима первая глава сочиненія, вся эта часть работы о. Коновалова сосредоточивается на рѣшеніи двухъ вопросовъ: 1) канонична ли книга Есфирь сообразно іудейской и христіанской традиціи и собственному внутреннему содержанію и 2) исторична ли она. Когда книга Есфирь разсматривается

со стороны каноничности, то анализируется ея религиозно-моральное содержаніе, а когда та же книга изучается со стороны историчности, то содержаніе книги сопоставляется съ Персидскою исторіею датируемой книгою эпохи и съ результатами раскопокъ Сузскаго дворца.

Во второй части сочиненія о. Коноваловъ даетъ правильно 2 главы, причѣмъ сначала описываетъ празднованіе Пуримъ, потомъ обзрѣваетъ существующія въ западной наукѣ гипотезы о происхожденіи этого праздника: 1) гипотезу де-Лягарда о персидскомъ происхожденіи Пуримъ (праздникъ мертвыхъ), 2) гипотезу о греческомъ происхожденіи Пуримъ, 3) гипотезу Циммерна-Гункеля о вавилонскомъ происхожденіи Пуримъ и 4) гипотезу о происхожденіи Пуримъ изъ вавилонской саги, переработанной у евреевъ въ Маккавейскую эпоху (гипотеза Эрбта).

Воздавая должное гебранстическимъ познаніямъ о. Коновалова, замѣтной въ его работѣ научной техники, рецензентъ усматриваетъ лишь небольшіе легко устранимые lapsus: 1) авторъ врядъ-ли сознательно представляетъ различіе экзегесиса и номологическихъ преданій у таннаимовъ и амораимовъ. О сабораимахъ онъ почему-то и не упоминаетъ. Неточности въ передачѣ собственныхъ именъ рецензентъ относить на погрѣшности переписки, такъ явилось Лакимъ вмѣсто Лакишь, или по части выраженій техническихъ: „діастора“ вмѣсто „діаспора“ и т. п. Болѣе серьезною погрѣшностью является наклонность автора толковать психологически тамъ, гдѣ нужна документальная справка, такъ по вопросу объ упоминаніи „мѣста“ въ книгѣ Есфирь тамъ, гдѣ ожидалась бы постановка имени Божія. Толкуя это обстоятельство, авторъ даетъ художественно-психологическій эскизъ, но лучше было бы указать на употребленіе реченія „макомъ“ въ раввинической письменности (даже у эллинистовъ *τόπος*).

Въ заключеніи отзыва рецензентъ считаетъ нужнымъ отмѣтить положительныя свойства прочитанной работы: авторъ владѣетъ *техникой* еврейскаго письма, онъ увлекается своею темою, давая иногда страницы экзегетическаго паэоса, онъ способенъ какъ къ построенію общихъ схемъ, такъ и къ погруженію въ микрологію грамматическихъ формъ (напр. стр. 158—159), онъ говоритъ о празднованіи Пуримъ, какъ начитанный эртологъ и какъ бытописатель,

и имѣлъ знанія и терпѣніе изучить литургію Пуримъ по еврейскимъ источникамъ (Коль сасонъ); талмудическія цитаты въ отдѣлѣ о названіи, значеніи и каноничности книги Есѣиръ провѣрены имъ по подлиннику (Ugolino, Goldschmidt, Schwabe). О. Коноваловъ владѣеть знаніями по библейско-археологической терминологіи (напр. его толкованія терминовъ: мингагъ, мусафъ и т. п.), наконецъ въ его трудѣ рецензентъ съ благодарностью долженъ отмѣтить вліяніе классныхъ и частныхъ занятій по исторіи Библии, какъ манускрипта, что особенно сказалось въ отдѣлѣ о писаніи мегиллы, свитка книги Есѣири, являющагося наитипичнымъ представителемъ еврейскаго графическаго искусства. Излишне говорить, что кандидатской степени о. Коноваловъ болѣе чѣмъ достоинъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Сперлова*:

„Автору предстояла задача описать еврейскій праздникъ Пуримъ, доказать его самобытность и время его происхожденія. Главнымъ источникомъ для автора служила книга Есѣиръ, названная такъ по имени ея главной героини—еврейки Есѣиръ, сдѣлавшейся супругой персидскаго царя Ахашвероша или Ксеркса I и оказавшей въ этомъ положеніи безсмертную услугу своему народу спасеніемъ отъ покушенія на его истребленіе царедворцемъ Аманомъ. Это замѣчательное въ исторіи Еврейскаго народа событіе и послужило поводомъ къ установленію торжественнаго и особенно популярнаго у евреевъ праздника Пуримъ. Вотъ почему исторія Есѣири есть вмѣстѣ и исторія происхожденія этого праздника. Доказать исторію происхожденія праздника Пуримъ—это значитъ доказать историческій характеръ книги Есѣиръ. Такъ и дѣлаетъ авторъ. Его сочиненіе распадается на двѣ части: въ первой устанавливается каноническое достоинство и историческій характеръ книги Есѣиръ и кратко говорится объ ея авторѣ, времени и мѣстѣ ея написанія, во второй описывается самый праздникъ Пуримъ,—его установленіе, ритуаль, внѣсинагогальное его провозженіе, и разбираются главныя гипотезы о происхожденіи этого праздника.

Рецензентъ долженъ отозваться о сочиненіи о. Коновалова

съ большою похвалою. Авторъ усвоилъ вполне научный методъ. Его разсужденія всегда спокойны и строго обоснованы. Особенно это нужно сказать о тѣхъ двухъ главахъ сочиненія, гдѣ авторъ устанавливаетъ каноническое достоинство и историческій характеръ книги Есѣрь. Въ главѣ о каноническомъ достоинствѣ книги авторъ сначала излагаетъ исторію вопроса, т. е. говоритъ объ отрицательномъ отношеніи къ признанію книги Есѣрь канонической какъ со стороны нѣкоторыхъ еврейскихъ ученыхъ, такъ и со стороны нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей, и потомъ шагъ за шагомъ разбираетъ и опровергаетъ возраженія противъ каноническаго достоинства книги. Авторъ, по моему мнѣнію, очень удачно объясняетъ, почему въ книгѣ Есѣрь нигдѣ прямо не упоминается имени Божія, защищаетъ моральный характеръ книги ссылкой и краткимъ раскрытіемъ общаго духа ветхозавѣтнаго міросозерцанія, говоритъ о тѣхъ причинахъ, которыя послужили поводомъ къ отрицанію каноническаго достоинства книги, показываетъ шаткость возраженій Талмуда противъ каноничности книги и анализируетъ свидѣтельства Іосифа Флавія и Оригена о каноническомъ достоинствѣ книги, пополняя ихъ другими авторитетными свидѣтельствами о томъ же (Пешито, 85 ап. правило, 60 пр. Лаод. соб., 4 огл. слово Кирилла Іер., свид. Епифанія Кипрскаго и бл. Іеронима). Въ главѣ объ историческомъ характерѣ книги авторъ на основаніи указаній вавилонской клинописи и свидѣтельствъ греческихъ историковъ устанавливаетъ тождество библейскаго Ахашвероша съ Ксерксомъ I и анализируетъ внутренніе признаки исторической достовѣрности повѣствованія книги Есѣрь, т. е. полное согласіе описываемыхъ въ книгѣ нравовъ и обычаевъ со всѣмъ, что извѣстно объ обычаяхъ персовъ за это время. Самое описаніе праздника сдѣлано съ любовью и интересомъ и изложено живымъ и простымъ языкомъ. Изложеніе и разборъ главныхъ гипотезъ о вѣвѣблѣйскомъ происхожденіи праздника Пуримъ сдѣланы также очень толково и дѣльно. Литература вопроса, главнымъ образомъ иностранная, использована и изучена добросовѣстно. Авторъ вездѣ является опытнымъ и знающимъ хозяиномъ дѣла.

Съ вѣвѣблѣйской стороны сочиненіе производитъ не менѣе благоприятное впечатлѣніе. У автора очень удачны нѣкоторыя

аналогіи (см. сс. 54, 78, 143, 151 и особенно 264). Это лишній разъ говоритъ о незаурядной эрудиціи автора. И только въ немногихъ мѣстахъ у автора встрѣчаются непріятно звучащія въ ученой работѣ слова и обороты (развеселый с. 42, блазнительный сс. 53, 63, 170, смаковать с. 61, безпардонный с. 153 и др.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей работы авторъ не смогъ отдѣлаться отъ вліянія иностранныхъ пособій. Только этимъ можно объяснить опять немногія стилистическія погрѣшности (напр. на с. 3, 6, 7, 29 и др.) и непривычныя для православнаго богослова названія греческаго перевода LXX Септуагинтою (38), библейскихъ книгъ: 1-ой и 2-ой Парал.—Хрониками и 2-ой кн. Царствъ—2-ою книгою Самуила (42, 145, 147, 246). Подъ вліяніемъ иностранныхъ же пособій вмѣсто 136 псалма процитованъ псаломъ 137.

Но эти мелкіе недочеты въ работѣ о Коновалова нисколько не мѣшаютъ ей быть прекраснымъ кандидатскимъ сочиненіемъ, а по исправленіи—составить цѣнный и интересный вкладъ въ нашу небогатую литературу по Вѣтхому Завету и Библейской Археологіи“.

24) О сочиненіи студента *Курганскаго Михаила* на тему: „Природа въ религіозномъ воззрѣніи русскаго народа (проблема космологіи и космогоніи)“.

а) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Рецензентъ уже имѣлъ случаи, разбирая работу аналогичнаго содержанія, высказаться о существенной необходимости философскаго и религіознаго изученія народной философіи (см. „Журналы Собраній Совѣта М. Д. А. за 1911 г.“, отзывъ о сочиненіи студента В. А. Ильинскаго, стр. 214—215). Настоящая работа г. Курганскаго представляетъ вторую часть указанной тамъ трилогіи „Человѣкъ—Природа—Богъ“, и потому нѣтъ теперь надобности распространяться о значеніи темы.—Значительное по объему (XII + XII + 354 + VII стр. мелкаго, убористаго почерка), раздѣленное и подраздѣленное на множество отдѣловъ, главъ, параграфовъ и т. д., написанное съ примѣтною любовью къ изучаемому предмету и съ большимъ прилежаніемъ, оно невольно обращаетъ на себя вниманіе читателя. Можно даже сказать, что самые недостатки сочиненія произошли въ значительной мѣрѣ отъ

тѣхъ его свойствъ, которыя составляютъ основныя его достоинства. Это указаніе, понятно, не уничтожаетъ недостатковъ работы, но оно въ значительной мѣрѣ снимаетъ вину съ автора.

Г. Курганскій изучилъ много книгъ и статей, и не только специально относящихся къ темѣ, но и побочно связанныхъ съ нею, а иногда и вовсе къ ней не относящихся. Но и за вычетомъ таковыхъ остается за нимъ заслуга изученія значительной литературы по фольклору, правда, только русской. Авторъ старается ставить каждый вопросъ, имъ затронуемый, на возможно широкомъ основаніи и копаетъ рыль для этихъ основаній возможно глубже. Не смотря на обиліе конкретнаго матеріала, работа г. Курганскаго запечатлѣна философскимъ характеромъ. Вопросы фольклора ему хочется изучать въ связи съ психологіей и даже гносеологіей,— замыселъ, который не можетъ не заслуживать одобренія, даже если бы осуществленіе его не удалось на дѣлѣ. Но мало того, что автору хочется обводить философскими понятіями контуры около данныхъ народовѣдѣнія; онъ дѣлаетъ попытку оживить и освѣжить эти данныя, приблизить ихъ къ нашему пониманію, такъ сказать, наложить блики, при помощи постоянныхъ параллелей изъ области поэтическаго творчества. По своему замыслу, эта работа должна быть обширнымъ сооруженіемъ, охватывающимъ всевозможные вопросы и объединяющимъ весь извѣстный матеріалъ. Самочувствіе г. Курганскаго весьма напряженное, и работа, нами разбираемая, и вглубь и вширь задумана какъ „monumentum aere perennius“. Если добавить сюда еще опредѣленную симпатію къ народу, къ его жизни и его міровоззрѣнію, горячее чувство любви къ родинѣ и общій идеалистическій тонъ, стремленіе проникнуть въ душу народную и показать, что народное мышленіе—*иное* въ сравненіи съ научнымъ, но *не высшее*, эти черты столь свѣтлыя, то съ горечью спрашиваешь себя: „Но, при этихъ превосходныхъ намѣреніяхъ, не забываетъ ли о своихъ еплахъ авторъ? Можетъ ли онъ выполнить хотя бы небольшую часть предпринятаго имъ труда? Не сорвется ли онъ при первой же попыткѣ осуществить свои планы?“ И, дѣйствительно, лишь только начинается разработка темы, начинаются и досадные промахи, на каждой почти страницѣ портящіе впечатлѣніе отъ работы. Избытокъ

прочитанныхъ книгъ дѣлаеть изложеніе пестрой, часто случайно-склеенной мозаикой цитатъ и т. к., г. Кургановъ прочиталъ много, и въ томъ числѣ—совсѣмъ нецѣпнаго, то ему трудно удержаться отъ цитаци, а ссылки на третъестепенныя по качеству статьи и, притомъ, часто не идущія къ дѣлу, бываютъ положительно невыносимы. Стремленіе г. Курганскаго къ философичности ведетъ къ тому, что далеко не всегда углубленіе данныхъ народовѣдѣнія достигается само собою: перѣдко это углубленіе—насилъственное, съ форсированіемъ своей мысли. И вотъ, работа испещряется неуклюжими и даже сочиненными терминами, необыкновенными заголовками для весьма обыкновенныхъ фактовъ и мыслей. Глубина (?) разъясненій сопровождается такимъ туманомъ вычурныхъ словъ и пагромажденныхъ терминовъ, что, право, для читателя было бы пріятнѣе получить что-нибудь болѣе скромное. Не смотря на отдѣльныя мѣткія опредѣленія, удачныя выраженія мысли и характеристики, языкъ работы притязателенъ и неправиленъ, избилуетъ иностранными словами, часто употребляемыми, къ тому же, не совсѣмъ правильно и безъ нужды, метафорами, носящими въ себѣ противорѣчія, странными, наобумъ сочтенными образами. Недостатки языка—главные недостатки разбираемаго сочиненія и они особенно досаждаютъ; вѣдь авторъ, столько разъ подчеркивавшій свою любовь къ народу, забываетъ, что языкъ—важнѣйшее явленіе души народной и что любовь къ родинѣ и къ своему народу прежде всего выражается въ охраненіи его языка. Авторъ сѣтуеть на исчезновеніе народныхъ обычаевъ, на порчу правовъ, на меркантильный духъ, разлагающій народную жизнь. А самъ онъ развѣ не участвуетъ въ томъ же разрушеніи, собственною рукою начертывая фразы вродѣ: „Надо сказать, что на ступени религіозно-космологической гармоніи телеологическое возрѣніе русскаго народа съ внѣшне-логической стороны довольно правильно у народа. Тутъ мы уже замѣчаемъ связность этиологической необходимости и зависимость телеологическую, цѣпную обусловить цѣли примѣненіемъ тѣхъ или иныхъ направляющихся къ нимъ слѣдствій“ (стр. 115)? И развѣ не варварство говорить о „das Ding an sich вещи“, объ „актъ орего оператум“ (стр. 39), или утверждать (стр. 38), что „по смыслу народныхъ (нѣкоторыхъ) сказаній субстан-

ція субъекта, принявъ иной обликъ, монистически ассимилируется съ намъ, сорастворяется въ немъ, обращаетъ его въ свой организмъ, съ его плотью и кровью“? Неужели же по любви къ народу должно сажать воззрѣнія его въ клѣтки съ надписями вродѣ: „Превращеніе реституціонно-иммортальное“? — Здѣсь приведены почти наудачу примѣры, — такихъ можно набрать великое множество. Но, подобно тому, какъ чрезмѣрно-напряженное стремленіе къ глубинѣ производитъ лишь обманное углубленіе, чрезъ головокружигельное нагроможденіе разныхъ „страшныхъ словъ“, такъ и чрезмѣрно-напряженное стремленіе къ широтѣ лишь мнимо расширяетъ горизонтъ автора, заставляя его, по недостатку силъ, вниманія и времени, вовлекать въ работу то, что слѣдовало бы отстранить за ненужностью, или даже прямой мусоръ. И, мало того, въ итогѣ онъ часто не имѣетъ никакой возможности въ должномъ видѣ представить то, что идетъ къ дѣлу, — не провѣряетъ цитаты, понавшихъ къ нему изъ десятыхъ рукъ, дѣлаетъ ошибки, описки и промахи всякаго рода. Странно видѣть въ кандидатскомъ сочиненіи реченія вродѣ: „*potina* и *omnia*“ (вмѣсто „*potina* et *omnia*“), „Андріи Бергсонъ“, „взаимно-общеніе“, или узнавать о „добрыхъ и злыхъ предметахъ“, о крестьяннѣ, какъ объ „аграрной величинѣ“ и т. д. и т. д. Не могутъ не коробить ссылки на первоклассныхъ поэтовъ, даже на Тютчева и Фета и др., заставляющія читателя путешествовать по какимъ-то журнальчикамъ, или ссылки на статьи изъ „Богословскаго Вѣстника“, причемъ цитаты заимствуются изъ „Теософическаго Обзорѣнія“. Авторъ доходитъ до такого безвкусія, что цитируетъ знаменитое мѣсто изъ св. Ирипея Лионскаго о Церкви, какъ сокровищницѣ, по журналу „Мирный Трудъ“, — да, „см. „Мирный Трудъ“ 1911 г., № 10, стр. 193“, и, къ тому же, заимствуетъ оттуда же и грамматическую ошибку и приписаніе цитаты Игнатію Богоносцу. Свѣдѣній всякаго рода, — до латинскихъ названій растений и болѣзней включительно, у г. Курганскаго чрезмѣрно много. Но не лучше ли бы уклониться отъ сообщеній, — къ чести автора, опять таки заимствованныхъ и не провѣренныхъ —, вродѣ того, что нѣкій В. Н. Сперанскій оказывается ни болѣе, ни менѣе какъ „главою критическаго идеализма“ (стр. 42). Намъ не приходилось читать ничего, принадлежащаго перу этого соперника Канта,

но, кажется, и г. Курганскій только слышалъ, что у г. Сперанскаго есть гдѣ-то какая-то статья. Пусть же кости Канта почіють спокойно.—Подобныхъ промаховъ у г. Курганскаго весьма много. Но должно отмѣтить, что средняя часть сочиненія написана несравненно лучше, чѣмъ начало и, отчасти, конецъ. При всемъ сказанномъ, повторяю, что недостатки сочиненія г. Курганскаго произошли главнымъ образомъ отъ чрезмѣрнаго расширенія и чрезмѣрнаго же углубленія темы. Можно надѣяться, что, воспользовавшись своимъ сочиненіемъ, какъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ, г. Курганскій безъ особаго труда сможетъ дать болѣе совершенныя осуществленія хотя бы части своихъ обширныхъ и глубокихъ замысловъ. Но и въ настоящемъ видѣ сочиненіе его вполнѣ достаточно для присужденія ему степени кандидата“.

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе (XII+XII+354+VII) г. Курганскаго читается легко и съ интересомъ. Но это зависитъ не отъ автора. Языкъ его тяжелъ и неясенъ, схемы его пестры. Авторъ пишетъ, что его сочиненію не будетъ чуждо „разсмотрѣніе русскаго народа, какъ чловѣка и мыслителя“ (V): нѣсколькими строками далѣе утверждаетъ, что въ литературѣ „народныя воззрѣнія пытаются выводить совсѣмъ не изъ его мыслительныхъ способностей“... (V). Задачею своего сочиненія (VI стр.) авторъ между прочимъ полагаетъ „бросить камушекъ въ проблематическую пропасть“ (?) У него встрѣчаются выраженія: „практикованный садовникъ“ (!), „этичный“ (надо полагать: этический). Къ грамматикѣ авторъ не питаетъ высокихъ чувствъ. На 47 стр. читаемъ: „точь въ точь какъ въ утопленникѣ (Пушкина?), на 152 стр. *вѣхъ* (*cicuta verosa*), нужно: *вехъ*. Къ знакамъ препинанія авторъ относится съ значительной долей пренебреженія.

И расплывчатая рѣчь и отсутствіе запятыхъ являются постоянными признаками его сочиненія. Все, что существенно относится къ его темѣ, выражено кратко; все, что приближаетъ къ этому существенному, выражено многословно. Читая его, нерѣдко вспоминаешь слова Полонія изъ Гамлета, что „краткость его душа ума, а многословіе—его прикраса“.

Но сочиненіе интересно, потому что оно говоритъ о поэзіи народа, а поэзія народа всегда интересна. Повидимому она увлекаетъ и самого автора, и особенно ему нравится поэзія философская, поэзія облакающая природу мистическимъ покровомъ. Эта поэзія настолько влечетъ его, что рядомъ съ народными произведеніями у него цитируются Вл. Соловьевъ, Тютчевъ, Кольцовъ, Майковъ, Жуковскій, А. Кругловъ и даже въ нѣмецкой Леноръ Бюргера переведенной полурусскимъ Жуковскимъ авторъ видитъ выраженіе русскаго духа.

Въ сочиненіи слышится глубокая вѣра въ духовную и религіозную мощь русскаго народа, есть много основательно раскрытыхъ положеній, немало дѣльныхъ замѣчаній, собранъ цѣнный матеріалъ. Но первое, что поражаетъ въ этомъ сочиненіи читателя, привыкшаго при изученіи фактовъ не поддаваться искушеніямъ со стороны поэзіи,—это—отсутствіе фундамента въ сочиненіи.

Нельзя написать научнаго трактата на тему, избранную авторомъ, не зная сравнительной мѣологии и исторіи религіи. Въ ряду пособій указываемыхъ авторомъ упоминается о сравнительной мѣологии, и упоминается, правда, мѣология высокоталантливаго ученаго, являющаяся выраженіемъ его личныхъ взглядовъ и притомъ нѣсколько уже устарѣвшая. А главное—невидно слѣдовъ вліянія и этой книги на нашего автора.

Отсутствіе достаточнаго знакомства съ названными мною дисциплинами замѣтнымъ образомъ сказалось на сочиненіи. Укажу два примѣра. Авторъ много говоритъ о дуализмѣ въ вѣрованіяхъ русскаго народа и сблизжаетъ дуализмъ русскій съ дуализмомъ персидскимъ (Заратустры) (123—126). Но русскій сатанаилъ или чертъ слишкомъ простъ, наивенъ, пожалуй можно сказать даже добродушенъ, чтобы сопоставлять его съ мрачнымъ и величественнымъ Ангроменіусомъ. Ни по происхожденію ни по свойствамъ они неравны. Ангроменіусъ вѣченъ и независимъ отъ Агурамазды, нашъ чертъ—павшій ангелъ, созданный Богомъ, и находящійся въ подчиненіи у Бога. Положимъ, чертъ нашихъ народныхъ сказаній въ значительной мѣрѣ христіанизированъ, но если отбросить отъ него христіанскія наслоенія, мнѣ кажется, явится образъ очень похожій на Локн германской мѣологии, а вовсе не маздейскій принципъ зла.

Авторъ очень путается при попыткѣ выяснитъ народныя представленія о небесахъ. И число небесъ у него—величина переменная и значеніе ихъ оказывается то однимъ, то другимъ. На 206 стр. мы читаемъ, что небо, между прочимъ, дѣлится на 7 поясовъ, распредѣленныхъ между чинами ангельскими, 7 поясовъ, потому что 7—число священное. Все это не такъ. Чиновъ ангельскихъ не 7, а 9. Концепція семи небесъ очень древняя, потому что древность считала 7 планетъ: Солнце, Луну, Меркурія, Венеру, Марса, Юпитера и Сатурна. Каждая планета должна была двигаться по особенной сферѣ, такъ какъ въ ихъ движеніяхъ нѣтъ согласія. Общая сфера назначалась для звѣздъ, которыя не измѣняютъ положенія одна относительно другой. Г. Курганскій не найдетъ картъ небесныхъ полушарій съ нанесенными на нихъ планетами и кометами. Древнюю концепцію о 7 небесахъ русскіе славяне приняли издавна, а постепенно усвоивъ христіанство и не глядя на звѣзды, они переработали ее нѣсколькими способами въ религіозную астрономию.

Не зная сравнительной мифологіи и исторіи религій, авторъ не могъ опредѣлить, что въ разсматриваемыхъ имъ воззрѣніяхъ представляется общечеловѣческимъ, что наноснымъ, т. е. случайнымъ заимствованіемъ отъ другихъ народовъ, что самостоятельнымъ. Нужно замѣтить еще, что и при изложеніи русскихъ воззрѣній авторъ мало считался съ этнографіей, географіей и исторіей.

Не мало у автора и отдѣльных lapsus'овъ.

Прежде всего въ заглавіи. Онъ пишетъ, что изслѣдуетъ проблемы космологіи и космогоніи, но потомъ въ сочиненіи занимается еще эсхатологіею. И общимъ заглавіемъ и здравымъ смысломъ требовалось включить эсхатологію въ сочиненіе о природѣ (въ ея прошедшемъ, настоящемъ—и естественно—будущемъ). Но зачѣмъ въ подзаглавіи исключать этотъ предметъ?

На 21 стр. онъ говоритъ о статьѣ 1910 г. по поводу 35-лѣтія со смерти Н. Я. Данилевскаго. Но Данилевскій умеръ въ 1885 г.

На 43 стр.: „теперь люди лишь буквы и слоги Божьяго глагола“. Это что-то черезчуръ мудро.

На 26 и во всемъ сочиненіи онъ употребляетъ терминъ

гиллозоизмъ (скорѣе—анимизмъ) такъ, что его совершенно не поймутъ біологи.

На 71 стр. авторъ противопоставляетъ тензмъ христіанству.

На 72—75 стр. авторъ приписываетъ русскому народу такую вѣру въ одушевленность міра, при которой нельзя жить, ибо жить можно лишь при признаніи естественной связи между явленіями и при приспособленіи къ нимъ.

На 77 стр. оказывается, по народнымъ воззрѣніямъ „дуэль видѣть во снѣ къ благополучію“. Но напрасно авторъ въ источникѣ этого положенія—сонникѣ видитъ выраженіе народныхъ воззрѣній. Авторъ комментируетъ это такъ, что сельскія ссоры обыкновенно кончаются выпивкой и закуской, а дуэли у народа считаются простой потѣхой. Не знаю, откуда онъ знаетъ послѣднее, но всѣ мы знаемъ, что пьяныя сельскія ссоры часто кончаются безмысленными убійствами.

83—86. О значеніи слова у народа авторъ говоритъ многое, но забываетъ о словѣ имѣющемъ силу внушенія.

На 98 стр. авторъ въ народномъ календарѣ видитъ выраженіе крѣпкой вѣры въ упоминаемыхъ тамъ святыхъ. На самомъ дѣлѣ народный календарь всегда—натуралистическій, по принятіи христіанства народъ скомбинировалъ его съ церковнымъ и главнымъ образомъ при помощи ригемъ. Но вѣры здѣсь видно немного.

На 119 стр., какъ и на прочихъ, не видно, чтобы авторъ выяснилъ себѣ понятія цантензма, тензма, политензма.

На 314 стр. авторъ спрашиваетъ: „почему ледъ вопреки закону физики не тонетъ?“ Я отвѣчу ему: „ледъ не тонетъ, потому что подчиняется закону физики“.

На 315 стр. авторъ дѣлаетъ экскурсію въ область математики. Но эта область оказывается для него *табу*, и онъ, говоря о величинѣ $9^{(99)}$, серьезно думаетъ, что выразилъ ее формулою $9^{(99)}$.

Но относительно двухъ послѣднихъ замѣчаній я долженъ сказать, что они находятся въ главѣ, представляющей одну изъ немногихъ попытокъ выяснить, что наука не такъ близка къ истинѣ, а народныя воззрѣнія не такъ далеки отъ нея, какъ это обыкновенно думаютъ. Это—взглядъ цѣнный.

Цѣненъ въ сочиненіи автора его идеализмъ. Видна любовь къ предмету, замѣтно трудолюбіе.

Указывая недостатки въ сочиненіи я имѣлъ въ виду не

осудить автора, а побудить его их исправить. Для получения степени кандидата сочинение удовлетворительно“.

25) О сочинении студента священника *Лебедева Константина* на тему: „По какимъ поводамъ совершалось расторженіе браковъ въ Святѣйшемъ Синодѣ за 18-19 вѣка?“

а) И. д. доцента *Н. Д. Кузнецова*:

„Сочинение студента священника Константина Лебедева написано на тему: По какимъ поводамъ совершалось расторженіе браковъ въ Св. Синодѣ за XVIII и XIX вѣка и представляетъ хорошую работу по этому вопросу. Авторъ не ограничился изученіемъ матеріала изъ вторыхъ рукъ, содержащагося въ разныхъ сочиненіяхъ по данному вопросу, но ознакомился съ самыми дѣлами, хранящимися въ Архивѣ Св. Синода и нѣкоторыхъ консисторій. Сочинение раздѣляется на главы по числу поводовъ, служившихъ законнымъ основаніемъ для расторженія браковъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Такое распредѣленіе матеріала при хорошемъ изложеніи въ каждой главѣ данныхъ, собранныхъ относительно того или другого повода къ разводу, прекрасно освѣщаетъ весь вопросъ и способствуетъ его широкому уясненію. Въ этихъ видахъ авторомъ написано и Введеніе, въ которомъ сдѣланъ обзоръ бракоразводнаго права древняго времени у разныхъ народовъ (и особенно древняго Византійскаго законодательства и древней русской практики по дѣламъ брачнымъ).

Вопросъ о разводѣ авторъ называетъ труднѣйшимъ, особенно же съ точки зрѣнія христіанской. Онъ справедливо отмѣчаетъ, что обыкновенно недостаточно понимаютъ сущность брака и его духовно-нравственное значеніе. Этимъ нужно объяснять и неудовлетворительное состояніе законодательства, связаннаго съ бракомъ. Отсюда проведеніе въ него разныхъ взглядовъ на то, что сохраняетъ и разрушаетъ брачный союзъ. Изученіе авторомъ вопроса о брачномъ законодательствѣ въ Россіи приводитъ его къ заключенію, что оно отличается невыдержанностью въ принципиальномъ отношеніи и нѣкоторой отрывочностью. Относительно него ясно ощущается большой разладъ съ жизнью.

Свои соображенія въ этомъ отношеніи авторъ подкрѣпляетъ

еть ссылками на известные отзывы епархіальных преосвященных по вопросам церковной реформы, присланные въ Св. Синодъ въ теченіе 1905—1906 года, на сужденія по вопросамъ о бракѣ Предсоборнаго Присутствія и на опредѣленіе св. Синода отъ 28 февраля 1907 года объ учрежденіи Особаго Совѣщанія для обсужденія и выработки проекта положеній о поводахъ къ разводу согласно указаніямъ Предсоборнаго Присутствія. На основаніи всего этого авторъ тѣмъ смѣлѣе утверждаетъ, что дѣйствующее въ Россіи брачное законодательство не удовлетворяетъ требованіямъ жизни и должно быть измѣнено.

Возможность и даже необходимость пересмотра нашего брачнаго законодательства ясно выступаетъ изъ самой разсмотрѣнной имъ практики Св. Синода. Она показываетъ, что самыя понятія прелюбодѣянія, его доказательствъ и цѣли развода не отличались устойчивостью даже на протяженіи двухъ вѣковъ. Въ первое время они были шире и духовной власти предоставлено было болѣе свободы въ разрѣшеніи бракоразводныхъ дѣлъ въ зависимости отъ обстоятельствъ каждаго случая. Тогда больше имѣлось въ виду внутреннее состояніе разводящихся и ихъ отношеніе къ брачному союзу. Съ введеніемъ же дѣйствующаго Устава Духовныхъ Консисторій въ Россіи устанавливается крайній формализмъ и болѣе вѣдшее отношеніе къ дѣламъ брачнымъ.

Объ этихъ сами собою напрашивающихся выводахъ автору слѣдовало бы ясно отмѣтить въ своей работѣ и кромѣ того обратить больше вниманія, что бракъ имѣетъ много сторонъ, что онъ входитъ не только въ область церковнаго, но и гражданскаго права, что въ вопросѣ о немъ очень заинтересовано и само государство. Этой смѣшанной природой брака во многомъ обусловливаются затрудненія при нормированіи его законодательствомъ.

Вопросъ о пересмотрѣ брачнаго законодательства особенно сильно выдвинулся, какъ известно, въ связи съ признаніемъ необходимости произвести важныя преобразованія въ русскомъ церковномъ управленіи. Этимъ вопросомъ немало занималось Предсоборное Присутствіе и вопросъ этотъ до сихъ поръ считается очереднымъ.

Поэтому всякія изслѣдованія въ этомъ направленіи, съ той или другою стороны освѣщающія вопросъ о бракѣ, имѣютъ

теперь не только академическое, но и практическое значеніе. Среди такихъ изслѣдованій сочиненіе священника Лебедева не затеряется безъ всякаго слѣда и приобретаетъ извѣстное значеніе въ дѣлѣ столь необходимаго историческаго освѣщенія вопроса. Сочиненіе это, по моему мнѣнію, вполне заслуживаетъ степени кандидата.

Нельзя не пожелать автору, чтобы онъ, при обнаруженіи имъ умѣнѣя разобраться въ историческомъ матеріалѣ и хорошо освѣщать разсматриваемый вопросъ, не ограничился только этой работой, но продолжалъ бы свои труды для столь нужныхъ теперь изслѣдованій по разнымъ выдвинутымъ современной жизнью церковно-общественнымъ вопросамъ.“

б) Экстраординарнаго профессора священника *В. Н. Страхова*:

„Свою задачу—изслѣдовать бракоразводную практику Св. Синода за 18—19 вѣка—авторъ выполнилъ съ отличнымъ успѣхомъ. Предпославъ своей работѣ „краткій историческій обзоръ бракоразводнаго права древнихъ народовъ Востока и Запада“, авторъ далѣе разсматриваетъ нормы бракоразводнаго права, опредѣлявшія практику Св. Синода въ теченіе 18 и 19 вв., „въ связи съ церковнымъ и гражданскимъ Византійскимъ законодательствомъ и древне-русскою бракоразводною практикою“, причемъ очень удачно сопоставляетъ эти нормы съ бракоразводнымъ правомъ западно-европейскихъ государствъ. Принятый авторомъ методъ освѣщенія вопроса въ широкой исторической перспективѣ обезпечиваетъ основательное и правильное рѣшеніе поставленной авторомъ задачи. Такая вполне научная постановка работы о. Лебедева была возможна лишь при широкомъ и добросовѣстномъ изученіи имъ большой литературы вопроса. Авторъ использовалъ весь напечатанный матеріалъ по данному вопросу: изучилъ бракоразводныя дѣла за 18 и 19 вв., хранящіяся въ Архивѣ Св. Синода, разсмотрѣлъ часть протоколовъ Московской Духовной Дикастеріи за 18 вѣкъ, изучилъ напечатанныя бракоразводныя дѣла, хранящіяся въ архивахъ Духовныхъ Консисторій: Московской, Тульской, Курской и Харьковской, и протоколы Св. Синода, изданныя въ сочиненіяхъ Іоанна Смоленскаго. Кромѣ этого основного

матеріала авторъ изучилъ всю, заслуживающую вниманія, русскую литературу по этому вопросу, о чемъ свидѣтельствуеъ ея длинный перечень (XII—XXX), помѣщенный въ концѣ его сочиненія. Авторъ, наконецъ, обнаружилъ знакомство какъ съ общими источниками византійскаго и русскаго церковнаго и гражданскаго права, такъ и съ относящимися къ его вопросу твореніями и бесѣдами отцовъ Церкви (Амвросія Мед., Астерія Амасійскаго, Григорія Нисскаго, Василія Вел. и Григорія Богослова).—Языкъ сочиненія ясный и правильный. Сочиненіе читается съ удовольствіемъ.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вышлѣ“.

26) О сочиненіи студента *Левкова Николая* на тему: „Вопросъ о переутомленіи учащихся“.

а) Инспектора Академіи, п. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостына*:

„Послѣ небольшого предисловія (стр. 1—7), въ которомъ авторъ говоритъ о важности избраннаго имъ вопроса и о громадномъ количествѣ литературы по нему, при чемъ откровенно признается, что „съ иностранной литературой съ *подлинникъ*“ онъ не ознакомился, далѣе слѣдуетъ „краткая исторія возникновенія и развитія вопроса о переутомленіи“, начиная съ 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія (стр. 8—31), и затѣмъ во 2-й главѣ устанавливается точный смыслъ самаго термина „переутомленіе“ въ его отличіи отъ скуки и нормальной усталости (стр. 31—99). Въ 3-й главѣ (стр. 100—297) довольно подробно выясняются „причины, вызывающія переутомленіе“, кроющіяся въ условіяхъ современной жизни, семейной и школьной, а въ главѣ 4-й (стр. 298—385) обсуждаются „слѣдствія переутомленія“,—тѣ болѣзненные явленія, которыя обычно считаются естественнымъ слѣдствіемъ школьнаго переутомленія: сколіозъ, близорукость, неврастенія, малокровіе и т. п., при чемъ приводятся наблюденія и статистическія данныя школьныхъ и военныхъ врачей. Не довольствуясь этими наблюденіями врачей, авторъ въ 5-ой главѣ (стр. 385—476) излагаетъ „экспериментальныя изслѣдованія процесса переутомленія“, произведенныя психологами и педагогами. Эти послѣднія изслѣдованія, не смотря

на ихъ многіе недостатки, важны въ томъ отношеніи, что не только констатируютъ съ несомнѣнностію фактъ школьнаго переутомленія, но и показываетъ наглядно, до какого предѣла повышается качество учебной работы и съ какого начинается упадокъ ея. Наконецъ, въ краткомъ заключеніи (стр. 476—498) дѣлается сводка результатовъ всего предыдущаго изслѣдованія и предлагаются мѣры для борьбы съ все возрастающимъ переутомленіемъ учащихся.

Изложенное содержаніе труда г. Левкоева показываетъ, что вопросъ о переутомленіи учащихся рассмотрѣнъ имъ довольно полно и всесторонне, съ замѣтною начитанностію въ литературѣ—русской и иностранной (въ переводахъ). Къ сожалѣнію, съ внѣшне-формальной стороны приходится отмѣтить въ этомъ трудѣ немало недостатковъ, свидѣтельствующихъ о спѣшности его. Здѣсь встрѣчаются иногда сужденія противорѣчивыя (срав. стр. 206 и 255), есть придаточныя предложенія безъ главнаго (109—110), много стилистическихъ погрѣшностей (напр.: „воспріимчивъ къ воспріятію“—254; „напряжение, неизбежное при всякой работѣ, долѣе извѣстнаго напряженія отнюдь не безразлично“—96), не говорю уже объ орфографическихъ ошибкахъ, въ которыхъ повиненъ переписчикъ, но отчасти и авторъ, не провѣрившій съ должнымъ вниманіемъ переписаннаго.

Но и при этихъ, весьма досадныхъ, недосмотрахъ сочиненіе г. Левкоева должно быть признано удовлетворительнымъ для присужденія кандидатской степени“.

б) И. д. доцента *В. И. Виноградова*:

„Сочиненіе г. Левкоева представляетъ собою изложеніе собранныхъ изъ различныхъ пособій свѣдѣній, такъ или иначе связанныхъ съ вопросомъ о переутомленіи учащихся. Подборъ свѣдѣній сдѣланъ болѣе или менѣе трудолюбиво и обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторую начитанность въ педагогической литературѣ, но постановка и трактація вопроса—не на высотѣ научной работы: сочиненіе не обнаруживаетъ дѣйствительно серьезныхъ попытокъ научно-принципальнаго освѣщенія добытыхъ данныхъ, самостоятельнаго изслѣдованія вопроса.

Степени кандидата богословія авторъ можетъ быть удостоенъ“.

27) О сочиненіи студента *священника Лукьянова Михаила* на тему: „Историческая судьба Вавилона въ ея отношеніи къ ветхозавѣтнымъ пророчествамъ о Вавилонѣ“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. П. Введенскаго*:

„Историческій Вавилонъ давно уже закончилъ свое существованіе. Но еще въ то время, когда отъ него не была отпята слава могущественнѣйшей монархіи, надъ нимъ носился приговоръ Божій, изреченный устами ветхозавѣтныхъ пророковъ о его гибели. По смыслу темы, авторъ настоящей работы и долженъ былъ поставить ветхозавѣтныя пророчества въ ближайшее соотношеніе съ послѣдующею исторіею Вавилона. Между тѣмъ онъ расширилъ рамки своей работы, удѣливъ изъ 4-хъ главъ ея (1) Исторія древняго Вавилона, 2) пророчества о Вавилонѣ, 3) историческое исполненіе пророчествъ о Вавилонѣ, 4) Апокалипсическій Вавилонъ) первую, довольно обширную главу (1—93), сложной исторіи древняго и отчасти доисторическаго Вавилона. Эта часть сочиненія не была обязательною для автора, и, разумѣется, могла не занимать особой главы. О древнемъ Вавилонѣ авторъ если и могъ сказать, то развѣ только—и это къ своей выгодѣ—во введеніи. Это не налагало бы на него отвѣтственности за правильность рѣшенія вопроса о происхожденіи Вавилона, о древней культурѣ его и т. п. Но выдѣленная въ цѣлую главу, эта часть работы сдѣлала автора отвѣтственнымъ за цѣнность его научныхъ выводовъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны быть признаны сомнительными, по крайней мѣрѣ, въ сложномъ вопросѣ о древней хронологіи. Эта хронологія является у автора въ соотношеніи съ данными Библии—и въ этомъ главный недостатокъ его работы. Общая предпосылка автора (предисловіе), въ которой онъ выясняетъ значеніе Промысла Божія въ исторіи древнихъ народовъ, также должна быть отнесена къ разряду слабыхъ мѣстъ сочиненія. Такъ, на стр. 4-й, ссылаясь на Ис. 24, 4, онъ утверждаетъ, что всѣ „пути“—„Господни“, при чемъ онъ склоняется къ признанію того, что и нарушеніемъ воли Божіей (стр. III-я) человѣкъ, какъ будто, осуществляетъ пути Господни... А это такое положеніе, которое опровергаетъ и самъ авторъ цѣлымъ сочиненіемъ, раскрывающимъ ту истину, что Богъ не попускаетъ развиваться до

безконечности злой настроенности людей, дабы они не препятствовали цѣлямъ Высшаго домостроительства.

Послѣдняя глава сочиненія о. Лукьянова—„Апокалипсическій Вавилонъ“ всего въ 11 страницахъ безъ достаточныхъ основаній выдѣлена имъ въ особую главу. Обозрѣватель судьбы Вавилона, имѣющій дѣло съ данными Вѣтхаго Завета, по необходимости долженъ былъ обратиться въ своей послѣдней главѣ къ Апокалипсису, а для полного анализа его содержанія у него не оказалось достаточныхъ данныхъ. Лучше было бы, если бы авторъ свелъ упоминаніе объ апокалипсическомъ Вавилонѣ къ простому заключительному замѣчанію.

Но отмѣченные нами недостатки сочиненія о. Лукьянова искупаются общимъ характеромъ его работы. Желая придать ей серьезность и обстоятельность, онъ привлекъ, въ качествѣ пособій, святоотеческую литературу (Кириллъ Александрійскій, Иеронимъ, Василій Великій), первоисточники (кромѣ основного—Библии онъ пользуется Иосифомъ Флавіемъ, Геродотомъ, Страбономъ, Діодоромъ Сицилійскимъ и др. по *Fragment. Histor. Graec.*), лучшія пособія по Библейской исторіи и по экзегетикѣ—какъ отечественныхъ ученыхъ, такъ и иностранныхъ (всего 52 названія). Въ началѣ сочиненія онъ помѣстилъ довольно хорошую карту древней Вавилоніи.

2-я основная глава сочиненія о. Лукьянова написана съ большимъ пониманіемъ дѣла. Въ ней данъ серьезный систематическій сводъ выразительныхъ пророчествъ о Вавилонѣ, при чемъ авторъ обратилъ особое вниманіе на пророчества Исаи и Иереміи, которые въ яркихъ образахъ начертали будущее Вавилона.

Слѣдуетъ также отмѣтить 3-ю главу сочиненія. Въ ней авторъ далъ блестящій по языку и очень серьезный по научнымъ справкамъ историческій очеркъ судьбы Вавилона до полного его уничтоженія.

При устраненіи неясностей въ общегословской вводной части и при переработкѣ первой и четвертой главъ сочиненія, послѣднее могло бы быть признано интересною, научно-обоснованною, безукоризненною работою, имѣющею апологетическое значеніе, поскольку въ ней ветхозавѣтныя пророчества разсматриваются съ точки зрѣнія ихъ полного историческаго оправданія.

Но и въ настоящемъ своемъ видѣ, при наличности неизбежныхъ въ каждомъ курсовомъ сочиненіи недочетовъ, работа о. Лукьянова должна быть признана серьезнымъ кандидатскимъ сочиненіемъ“.

б) Экстраординарнаго профессора, священника Д. В. Роллественскаго:

„Въ рецензируемомъ сочиненіи, написанномъ по строго-выработанному и стройному плану, съ достаточною полнотою обследованы всѣ существенно важные вопросы, касающіеся древнѣйшей исторіи Вавилона, ветхозавѣтныхъ пророчествъ (главнымъ образомъ, Исаи и Иереміи) о судьбѣ Вавилона и Вавилонской монархіи вообще и осуществленіи этихъ пророчествъ въ послѣдующей исторіи. Авторомъ изучено большое число пособій по исторіи древняго Востока, по библейской исторіи, ветхозавѣтной экзегетикѣ и пр. Къ разработкѣ своей темы онъ всюду относится съ живымъ интересомъ, что по мѣстамъ замѣтно сказывается въ искренности и убѣжденности тона и въ картинности изложенія.

Къ числу недостатковъ сочиненія слѣдуетъ отнести почти полное отсутствіе критики и попытокъ сопоставленія и проверки разнообразныхъ историческихъ свидѣтельствъ, стоящихъ въ противорѣчій другъ съ другомъ. Напр., у автора разсматриваемаго труда Валтасаръ книги пр. Даниїла и Валтасаръ, извѣстный историкамъ изъ вѣтхобиблейскихъ источниковъ, безъ дальнихъ разсужденій принимается за одно лицо (198—201 стр.). Между тѣмъ, по пр. Даниїлу, Валтасаръ—сынъ Навуходносора (5, 2 и др.); а по мнѣнію историковъ свѣтскихъ, онъ—сынъ Набуанда, принадлежавшаго къ другой династіи, бывший при взятіи Вавилона только главнокомандующимъ вавилонскаго войска, а не царемъ. Относительно „Киропадїи“ необходимо было замѣтить, что это произведеніе Ксенофонта не можетъ быть признано историческимъ изслѣдованіемъ въ собственномъ смыслѣ (см. *Ф. Ленорманъ*, Руководство къ древней исторіи Востока до Персидскихъ войнъ. Тома 2-го вып. 2. Кіевъ, 1878. Стр. 201). Въ перечнѣ использованныхъ сочиненій помѣщено значительное число трудовъ мало авторитетныхъ и устарѣвшихъ. Необходимо поставить на видъ автору и то, что онъ почти нигдѣ не обозначаетъ мѣста и года изданія своихъ пособій.